

Нина Шевчук

Рассказы

Оригами

Раннее

Нина Шевчук

Оригами

Рассказы

Раннее

© Нина Шевчук

© paraslov.su

г. Симферополь

2016 г.

Содержание

Оригами.....	4
Говорят, под Новый год.....	24
Былабылидочка.....	39
Подлог.....	43
Берегись честных с молодю.....	46
Ты меня любишь?.....	53
Год Нюрки.....	58
Сельская эротика.....	65
Имена.....	76
Мечты, мечты.....	80
Калека.....	88
Выбор.....	93
Серебряная луна.....	101
Мужская дружба.....	108
Об авторе.....	113

Оригами

Бледная саванна равномерно прожаривалась под лучами голодного платинового солнца. По обжигающему воздуху, словно по прозрачной воде, шла мелкая рябь. Таша с трудом подняла уставшую голову и осмотрелась. Не более, чем в десяти метрах от нее, вокруг высокого костра сидели три туземца. На одном из них, самом низкорослом, были надеты шорты Леши, Ташиного мужа. Лазурно-голубые с белыми пальмами. Алексей купил их во время своей последней поездки в Египет. Второй, совершенно голый с невообразимо большим хозяйством, поглощал полусырой кусок мяса. Из обоих уголков его рта сочились две тоненькие струйки крови. Третий абориген склонился над костром и ловко поправлял поленья длинной костью, очень похожей на бедренную.

«Неужели съели?» — пропульсировало в разгоряченном Ташином мозгу. На короткое мгновение на нее накатила волна ликования, которое снова сменил страх за собственные перспективы. Таша вытянула вспотевшую шею и стала присматриваться к трапезничающей компании, пытаясь обнаружить другие останки своего мужа.

Вдруг саванну расколол детский крик.

— Вася! — Таша рванулась, пытаясь подняться на ноги, но не смогла. Все ее тело было обернуто каким-то гадким власянистым материалом. Перед глазами вдруг встала полноводная грязная река. У самого берега из бурой воды высунулась громадная крокодилья морда. Разинув уродливую пасть, чудовище утаскивало в пучину Василия, Ташиного трехлетнего сына. Вася взмахивал тонкими белыми ручками и пронзительно верещал.

— Сейчас, сынок, сейчас! — она изо всех сил работала локтями, пытаясь выбраться из сковавшего ее кокона. Еще рывок и...

Таша проснулась. Скомканный китайский плед валялся на полу у подножия диван-кровати. На стене громко тикали часы, а из соседней комнаты доносилось странное пыхтение и всхлипывание. Наташа мигом соскочила с дивана и пустилась туда, попутно зацепившись за письменный стол так, что на ноге хрустнули пальцы.

Раскрасневшийся взлохмаченный Вася по-пластунски лежал на полу и тихо лил слезы. Рядом возлегала перевернутая гладильная доска.

— Господи, ну скажи мне, зачем ты на нее лез? — спросила Таша, посадив на руки сына и рассматривая пострадавшую руку.

Мальчик поднял виноватые глаза и пожал плечами. Не проходило и дня, чтобы Вася не причинил какой-нибудь вред себе или окружающим предметам. Но на вопросы «зачем ты это трогал?» или «чего ты туда полез?» он неизменно скорбно пожимал плечами, а по щекам катились слезы сожаления.

Наталья согнула вспухшее запястье, и Вася мужественно поморщился.

— Так больно?

— Больна.

— Ну вот, нужно ехать в больницу и делать снимок. И мама опять опоздает на работу.

Вася попытался принять виноватый вид, но глаза его предательски засияли от предвкушения нового приключения. Местную детскую травматологию он посещал часто. За три с половиной года своей боевой жизни его уже неоднократно зашивали и перевязывали. Один раз даже гипсовали, когда, воодушевленный трюками цирковых пудельков, Василий принял решение повторить дома собачий подвиг и перепрыгнуть с одной табуретки на другую. Врачи и медсестры нежно называли его «наш Вася», при этом ободряюще похлопывая Ташу по спине.

— Чего ты радуешься? Все равно после больницы я отведу тебя в садик.

— Почему? — Вася заметно помрачнел.

— Потому! Из-за твоих проделок я все время пропускаю работу. Скоро меня уволят, и я не смогу купить тебе на день рождения ту зеленую машинку.

Аргумент явно не возымел действия. День без детского садика, видимо, стоил больше зеленой машинки.

— А еще, — продолжала пугать Таша, — если меня сегодня уволят, у нас не будет денежек, чтобы лечить твою руку, и мы попросим дядю Костю ее отпилить.

Сосед дядя Костя работал плотником. Пожилой вдовец, не имевший своих детей, привязался к мальчонке и частенько брал его к себе, пока Наталья справлялась по хозяйству. Иногда Василий по несколько часов высиживал на лоджии соседа, глядя, как тот мастерит полки, табуретки, столики и прочую мебельную мелочь, чтобы потом продать на местном рынке.

— Отпилить? — недоверчиво переспросил Вася.

— Отпилить! — подтвердила Таша.

— Не надо.

— Почему же не надо? Можно даже обе отпилить, чтобы нечем было ковыряться в носу. Ладно, давай одеваться.

Насчет увольнения Наталья не шутила. Всего за неделю до этого она в очередной раз пропустила два дня из-за того, что Василий температурил. Когда вышла, начальница Анна Сергеевна предупредила, что это был последний раз, и очень скоро фирма начнет поиск нового бухгалтера. Спасало лишь то, что за половину рабочего дня Наталья успевала сделать больше, чем Анна Сергеевна за неделю, так как по профессии и призванию последняя была маникюршей. Многие в коллективе были глубоко возмущены таким несоответствием главного

бухгалтера занимаемой должности. Очень глубоко, и вероятно, потому очень тихо. Наталью же этот факт несказанно радовал, так как, благодаря такому стечению обстоятельств, фирма в ней нуждалась. Но положение все же оставалось шатким. Маникюрша могла найти себе нового бухгалтера, или директор мог найти себе новую маникюршу.

В травматологии детскому хирургу ассистировал студент, родом из южных широт. Вася тайком поглядывал на мужчину и на лице его светился еще больший восторг. Наталье ассистент напомнил ее утренний кошмар. «Голубые шорты, бедренная кость. Приснится же такое! А что, если сон вещий? Сегодня пятница, а Алексей уже неделю не появлялся. Но нет, разве может свалиться на нее такое везение», — размышляла Наташа, ожидая снимка перед рентгенологическим кабинетом.

— Мама, мама, а тот дядя — недр? — прошептал вдруг возбужденный Вася.

— Тише, Васька, нельзя так говорить!

— Поцему?

— Потому что он обидится.

— Поцему?

— Ну вот ты у меня рыженький и с веснушками. Когда тебя в садике называют «рыжий» или «конопатый», тебе ведь обидно?

— Нет. Поцему? — Вася недоуменно пожал плечами.

— Почему? — переспросила Наташа и задумалась, но не нашла, что ответить.

— Мама, мама, а поцему дядя — недр, а мы нет? — не унимался Василий, воодушевленный расовыми различиями.

— Он такой же, как его мама и папа. Вот у тебя мама русская, а папа... — «дятел» подумала Наташа, но благоразумно промолчала, не закончив свою фразу.

Ребенок — это результат акта любви. Потому его появление на свет обычно дарит любовь: женщинам — материнскую, а мужчинам чаще — к разнообразию. И те, и другие начинают испытывать трепет перед галантерейными товарами: женщины — перед шапочками, пинетками, распашонками; мужчины — перед стрингами, чулками и бюстгальтерами в сеточку. Обе стороны теряют сон: слабая (и с каждым днем все больше слабеющая) половина — из-за постоянного зова проголодавшегося потомка, сильная — из-за зова плоти. Мы так похожи, и, в тоже время, мы такие разные.

Алексей ощутил первые плотские позывы, когда Васику было два месяца. Тогда первую помощь ему охотно оказала коллега по имени Аня. Анна была честной девушкой, потому она почти сразу же позвонила Наташе и сообщила, что между нею и Алексеем возникло чувство, о котором она сама, конечно, жалеет, но поделаться с собой ничего не может. Наталья подала на развод и переехала с сыном в соседнюю комнату. Больше переезжать было некуда, квартира принадлежала блудному мужу. Когда Аню сменила Вера, владевшая собственной жилплощадью, Алексей съехал сам, любезно позволив бывшей жене проживать в своей квартире в обмен на отказ от алиментов. Потом он снова вернулся. И снова съехал. Его дорожная сумка на колесиках приобрела поношенный вид, но путешественник не унимался. Два раза в год он, утомленный очередными сложными отношениями, отправлялся в Египет, но для этих целей Леша имел отдельный, более фешенебельный саквояж.

Как-то утром, забравшись на табурет и глядя в окно на отъезжающее такси, Вася спросил:

— Мама, а почему папа все влемея уезает, а когда плиезает, живет в длугой комнате? Он плохой?

— Нет, сынок, он хороший. Просто у папы внутри растут очень страшные и опасные бородавки. Их постоянно нужно лечить в

специальном санатории. Потому он так часто уезжает. В другой комнате он живет для того, чтобы мы не заразились. Только ты никому об этом не говори, особенно папе. Он очень стесняется этих бородавок и разозлится, если ты у него об этом спросишь. Понятно?

Глаза Василия наполнились ужасом. Недавно они с мамой смотрели передачу про лягушку-быка. Тельце странного создания было покрыто отвратительными бородавками. Мысль о том, что у загорелого и цветущего папы внутри такие же наросты, поразила детское воображение. С тех пор Вася больше не пытался искать контакта с отцом, а лишь сочувственно поглядывал на него со стороны. Алексей, казалось, сам был этим обрадован, так как его заметно раздражали бесконечные Васины «почему».

— Ну-с, давайте-ка глянем на наш снимочек, — сказал пожилой хирург, когда пострадавшие снова вошли в кабинет. — Ну что, на этот раз нам повезло, всего лишь ушиб. Ни трещины, ни перелома.

— Ушиб! — радостно повторила Таша, так, будто ей сообщили о свалившемся на нее внезапно большом наследстве и едва не захлопала в ладоши.

Медсестра, дородная тетка со зверским выражением лица, ткнула ей в руки листок, исписанный мелким почерком.

— Ну что, Василий, надеюсь, скоро мы с тобой не увидимся, — обратился доктор к Васе. — А для того, чтобы у тебя не было трещин, прописываю маме давать тебе побольше затрещин. А лучше – под зад! — скаламбурил он и подмигнул Наташе.

Сотрясаясь в скулящем от холода троллейбусе, который годился Таше в дедушки, она старалась не думать о том, что ожидало ее на работе и пыталась всячески расслабиться. Сперва представляла себя на берегу теплого зеленого моря. Вот она сидит на сухом нежном песке в ярком шелковом сарафане, а Васик рядом лепит пасочки и, как всегда, о чем-то ее расспрашивает. У кромки прибоя ходит ее новый друг,

мужчина средних лет плотного телосложения с добрым лицом. Зовут его Андрей. Нет, лучше Максим или Анатолий. Он машет рукой и зовет их с Василием идти купаться. Она машет в ответ и улыбается. В воздухе парят белые чайки, рядом играет в мяч веселая компания, с которой они и приехали сюда. И пахнет...

Пахнет бомжом. Картина внезапно свернулась, и Таша с сожалением покосилась на косматого очень грязного бездомного, который только что влез в троллейбус. Она уткнулась носом в велюровый капюшон Васи́ка, сидевшего на ее коленях, и снова попыталась включить «морской курорт», но программа зависла.

О том, что желаемое нужно постоянно визуализировать и тогда оно непременно сбудется, Наталья прочла в одном авторитетном журнале. Автор статьи был настолько убедителен, что целую неделю она представляла, что купается в деньгах. В буквальном смысле, как Скрудж МакДак в старом Диснеевском мультике. Однако кроме положенной месячной зарплаты, уместившейся в три купюры, средств больше не поступало. А в них едва ли можно было искупаться, разве что — натереться.

В том же номере журнала Наталья встретила статью о различных способах успокоить расстроившиеся нервы. «Если вы быстро утомляетесь, вас раздражают окружающие, и каждый вечер болит голова, — говорила статья, — наши советы непременно вам помогут». Среди всех перечисленных премудростей, Наталье больше всего понравилась рекомендация подобрать себе какое-нибудь умиротворяющее занятие — вышивание, лепку, рисование, кулинарию, оригами. Определиться с выбором хобби было не сложно: вышивать она умела разве что на каблуках по бульвару, и то только до родов. С лепкой тоже не складывалось. Пельмени со свининой — это пожалуйста! Причем, их поедание приносило гораздо большее успокоение, чем лепка. Рисовать она когда-то любила: одной очень педантичной

однокурснице на полях конспектов она то и дело тайком пририсовывала весьма реалистичный мужской член с глазками и оттопыренными ушами. Подруга каждый раз приходила в ярость и аккуратно срезала поля ножницами. Готовить Таша и вовсе не любила. Делала она это только из-за необходимости. Да и те самые шесть купюр не слишком позволяли разгуляться в выборе сырья для такого хобби. Оставалось оригами. Увлечение простое и изысканное. Не требует ни больших усилий, ни особых затрат. Наталья приобрела в книжном магазине небольшое пособие и пачку цветной бумаги для оригами и ждала удобного момента, чтобы попробовать себя в этом многовековом загадочном виде искусства.

— Мама, я не хочу в садик, — громкий шепот Васи́ка отвлек ее от размышлений.

— Почему ты вечно ноешь, что не хочешь туда ходить? — неосмотрительно спросила Наталья.

— Там все...

И тут мальчонка выдал порцию отборной брани, при этом живописно взмахнув рукой. Жест напомнил Наталье о соседе дяде Косте.

Удивленные и возмущенные взгляды пенсионеров обратились на Наталью. Ей почему-то очень захотелось закричать: «Это не я его научила!» Но поступить так было бы совсем глупо.

— А вы не обращайте внимания, когда он ругается матом. Это он назло, — назидательно заметила пенсионерка, сидящая рядом. Васик удивленно уставился на нее, а Наташа втянула голову в плечи, ожидая, что он вот-вот выдаст какой-нибудь другой перл из своего арсенала, но, к счастью, Василий сдержался.

***

Офис фирмы «Виталина», в которой работала Наталья, располагался в здании приборостроительного завода. На старом изрисованном граффити заборе красовались ржавые буквы:

АМ 70 ЛЕТ

Вместо отвалившегося «Н» неизвестный символист изобразил нечто сине-зеленое в форме продолговатой сопки. Облупленное заводское здание выглядело так, будто оно и его обитатели не делали это самое «ам» уже лет, как минимум, двадцать. С самого первого дня работы в фирме «Виталина» Таша чувствовала глубокую антипатию к этому месту, но выбирать особенно не приходилось.

Когда она переступила порог офиса, было уже одиннадцать. Это значило, что она опоздала ровно на два часа. Внутри суетились десятки работников, из-за чего офисное помещение кипело, словно чайник со сломанным свистком, который забыли снять с плиты, и он возмущенно пускает пар, постукивает металлической крышечкой и выплескивает брызги кипятка. Таша собрала волю в кулак и прошла к открытой двери кабинета Анны Сергеевны. Нужно было непременно подобрать правильные слова, чтобы все объяснить и извиниться за очередное опоздание.

«Анна Сергеевна, мне очень неудобно...»

Нет, не то. Кому здесь вообще удобно?

«Здравствуйте, Анна Сергеевна! У меня снова случилась неприятность...»

Тоже не то. Кому есть дело до твоих неприятностей.

«Анна Сергеевна! Какая же у вас тупая рожа!»

Очень даже то. Но никак нельзя.

Главный бухгалтер сидела за столом, сосредоточенно глядя на монитор компьютера. «Наверное, кто-то из ее подружек летал на Бали и выложил фотки», — подумала Наталья. Выражение начальницы было

недоброе, что вполне понятно: саму Анну Сергеевну директор дальше Турции никогда не вывозил.

Одета бухгалтер была в серый брючный костюм, который не шел к ее яркому вечернему макияжу, как не шел снег летом в Конго.

Положение обязывало бедную девушку соблюдать дрескод, потому за свободный полет игривой фантазии отдувались макияж, обувь и маникюр.

— А, Наталья Сергеевна, вот и вы, — сказала бухгалтер, заметив мнущуюся на пороге Ташу. — Проходите. Мне нужно с вами кое о чем поговорить.

«Явно не о премии», — подумала Наталья, и у нее засосало под ложечкой.

— Я хочу принести свои извинения, — начала она, — дело в том...

— Дело в том, что, боюсь, вы у нас больше не работаете, — перебила начальница.

— У меня ребенок руку ушиб, я в больнице была, — попыталась оправдаться Наталья. Из-за усталости и переживаний к горлу подступили слезы, и голос стал низким и ломким, как у обиженного подростка.

— У вас ребенок, а у меня отчет.

— Но ведь я ни разу вас не подводила, всегда успеваю в срок.

— Кроме срока существует дисциплина. Если каждый в этой фирме станет постоянно опаздывать, какие результаты будут у нашей работы?

— Каковы будут результаты нашей работы, — исправила ее Наталья.

— Что?

В своей речи Анна Сергеевна часто допускала грубые ошибки, однако, исправлять ее никто из нижестоящих коллег не решался. Но Наталью настолько задело явное удовольствие, которое испытывала ее начальница от возможности воспользоваться своим положением, что она не удержалась.

— Я не поняла, вы меня здесь еще учить будете?

— Что вы, в этом нет необходимости. Все навыки, которые необходимы вам для продвижения по службе, вы, видимо, приобрели еще в ранней молодости.

Начальница уставилась на Ташу прозрачным взглядом. Смысл фразы она явно не уловила, но неприязненный тон и вероятный намек на не совсем юный возраст сделали свое дело.

— Пошла вон! — прошипела она сквозь зубы.

Таша подхватила с пола сумку и выскочила прочь из офиса под сочувствующими взглядами теперь уже бывших коллег.

***

— Мама, сматли! Самолет!

Васик гордо протянул листок, на котором он только что изобразил баклажанообразную фигуру с крыльями и пропеллером.

— Красивый. На баклажан похож, — машинально оценила Таша и продолжила просмотр объявлений в колонке «Работа». Василия сравнение явно огорчило. Как и любой уважающий себя художник, он стремился к максимальной достоверности.

Надежды найти приличную работу по объявлению Наталья испытывала еще меньше, чем испытывает среднестатистический гражданин, живущий на прожиточный минимум, когда покупает очередной лотерейный билет. При этом, никого из волшебной касты «знакомых», которые могли бы помочь в поиске места потеплее, она не знала. Немногочисленные подруги либо выращивали своих чад в совершенно негордом одиночестве, либо перебивались, умудряясь прокормить не только отпрысков, но и вторую половину, которая в свою очередь, частенько «перепивалась» и в неблагоприятных обстоятельствах могла зарядить под глаз.

Ей вдруг вспомнилась одна из коллег, Женя Новосинцева. Женя работала в «Виталине» оператором и зарплату получала весьма скудную. Но, несмотря на это, она частенько позволяла себе дорогие качественные вещи и каждое лето отправлялась с дочерью в заграничную поездку. Как-то раз, хватив лишнего на одном из корпоративов, Женя душевно обняла Ташу и поведала о тайном источнике своего благосостояния.

— Все свои таланты нужно использовать пра-виль-но, — еле выговаривала раскрасневшаяся девушка. — И стыдиться тут совершенно нечего! Нет, ты меня понимаешь?

Таша послушно кивнула.

— Вот Анька, — Женя кивнула в сторону бухгалтерши, которая восседала во главе стола и, как всегда, ничего не ела. — Ведь подстилка же, и все это знают.

Тут она постучала по столу указательным пальцем.

— А ты попробуй ей об этом скажи. Сразу с работы попрут. А п-п-почему, спрашивается? Что тут обидного? Кто чем может, тем и работает.

Тогда Женя подробно описала все тонкости своей частичной занятости. Наталья помнила даже название сайта, через который осуществлялось трудоустройство.

Она глянула на Васика, который старательно выводил бока нового самолета, и на душе стало гадко от собственных мыслей.

— Ма, сматли, еще самолет!

— Очень красивый. Похож на Боинг.

Мальчик облегченно вздохнул.

Внезапно по квартире прокатился невероятный грохот и звон бьющегося стекла. Где-то сверху одновременно заматерились несколько мужских голосов.

— Сиди здесь! — скомандовала она сыну и бросилась в кухню, откуда донесся звук.

На том месте, где еще минуту назад стояло старенькое чисто вымытое окно, теперь болталась пластиковая рама, подвешенная на веревке. В кухню беспрепятственно проходил морозный ноябрьский воздух.

Видимо, удальцы, производившие ремонт квартиры сверху, зазевались и упустили громадину, которая вдребезги разнесла Ташино окно, и, при этом, сама осталась совершенно целой.

В ярости не замечая разбросанных по полу осколков, она подбежала к зияющей дырке и крикнула, что было мочи:

— Вы что сделали, уроды!

Вася, мнущийся на пороге, опять взмахнул ручонкой и слово в слово повторил утреннюю бранную тираду.

***

Один из самых тяжелых дней, которые когда-либо выпадали Наталье, подходил к концу. Несколько лет назад, когда она узнала о первой измене мужа, казалось, что жизнь кончена и ничего хуже быть не может. Теперь воспоминание об этом даже веселило ее. Пусть сейчас в ее доме будет целых три мужа — один на кухне, и по одному в каждой комнате, и все они круглосуточно ей изменяют, лишь бы только найти работу и заставить соседей поскорее вставить новое окно. На то, чтобы сделать это самой, средств у нее, к сожалению, не было.

С большим трудом уложив Василия спать, она долго сидела в кресле, вглядываясь в полумрак комнаты. Если бы она была американкой, каких показывают в кино, то сейчас непременно впала бы в глубокую депрессию и обратилась к психологу. Однако, такие удовольствия, как депрессия, доступны не каждой русской женщине.

Для нашей среднестатистической женщины актуальнее такие средства, как «удариться головой о стену», «стиснуть зубы» или «выпить сто грамм и поплакать». Просто и дешево, и, не исключено, — гораздо действеннее любого психолога.

Но голову было жалко, а спиртного дома не оказалось ни капли. Потому, выкурив на кухне две сигареты подряд, Наталья взяла пособие по оригами и отправилась в комнату Алексея. Уходя из дома, он всегда запирает ее. Зачем именно, было непонятно. Скорее всего, чтобы продемонстрировать свою обособленность и независимость, на которую, впрочем, никто и так не посягал. Сворачивать оригами на кухне теперь не представлялось возможным из-за холода, а во второй комнате спал Васик. Таша надела ботинок на правую ногу и ударила прямо по замку. Косяк щелкнул и дверь открылась.

Внутри пахло пылью и сладковатым одеколоном Алексея, от чего находиться в комнате было не очень приятно. Наталья вытерла письменный стол рукавом и положила перед собой разноцветную пачку бумаги и книгу по обучению оригами. «Жаль, что я не умею делать ничего такого, что можно было бы продавать. Вязаные свитера, например, или глиняные фигурки», — подумала она с сожалением. «Кто чем может, тем и работает», — снова вспомнилась предательская фраза.

Она стала перелистывать пособие. С глянцевых страниц, заманчиво пахнущих новой бумагой, на нее глядели всевозможные причудливые фигурки, сложенные так мастерски, что простой обыватель не сразу догадается, из чего они сделаны.

— Тебя-то мы и сделаем! — обратилась, наконец, Наталья к лиловой летучей мыши с гофрированными крыльями.

— Сложите базовую форму «треугольник», — ответила книжка.

Бережно приглаживая изгибы и выравнивая края нежного листочка, Таша чувствовала почти детское удовольствие. Сколько ей было, когда они с мамой вместе клеили открытки для школы? Семь или

восемь. Если бы мама была жива, все сейчас было бы по-другому. Она подавила подступившие слезы.

Совершив по инструкции первые три шага, она покрутила получившуюся заготовку.

— Красота. Что у нас дальше?

— Наметьте линию сгиба, образованную точкой середины нижнего основания и концом линии сгиба, сделанного на предыдущем этапе, отогните согласно рисунку 4 и 5, согните крыло по перпендикуляру и перегните по биссектрисе, — выругалась книга.

Еще минут двадцать Таша безнадежно вертела в руках изрядно помятую заготовку, вытирая со лба пот и делая изгибы в тех местах, где они вряд ли требовались. Пальцы начали болеть, перед глазами от напряжения появились черные точки. Теперь она ненавидела не только своего бывшего мужа и начальницу, но и оригами, а также — авторов злосчастной книги и вообще всех тех, кто придумал оригами и у кого оно все-таки получалось.

Наконец, она не выдержала, подскочила так, что опрокинула стул, и на мелкие кусочки разорвала зародыш мыши, все листы цветной бумаги и обложку пособия, приговаривая про себя:

— Ах ты ж гадость, вот же дрянство!

Причем, кому, или чему конкретно было адресовано ругательство, наверняка Наталья не знала и сама.

Окончив акт вандализма, она еще долго топтала ногами клочки, а потом проплакала целый час, наверное, впервые за несколько лет.

Немного успокоившись, Наталья стала собирать остатки своего творчества. Несколько обрывков улетели за шкаф, почти вплотную придвинутый к стене. Она взяла мухобойку и попыталась достать их, но резиновый наконечник уперся во что-то твердое. Тогда она поддела предмет снизу и из-за шкафа вывалилась большая коробка, от которой до сих пор можно было почувствовать запах молочного шоколада.

Однако, внутри вряд ли был шоколад, слишком уж она была увесистой. Края кто-то склеил скотчем.

Аккуратно отогнув край, она сняла скотч, открыла крышку и обомлела: на то, что находилось в коробке, наверное, можно было купить целую тонну шоколада. Или две. Теперь Таше стала понятна цель замка. Неясно было, почему замок такой маленький. Наверное, чтобы не вызывать подозрений.

Сумасбродные мысли зароились в Ташиной голове. В ее руках сейчас было то, при помощи чего она могла одним махом решить все свои проблемы. Завтра же утром она соберет все свое нехитрое имущество и уедет с Василием в Зеленоморск — небольшой прибрежный город, куда полгода назад вышла замуж ее лучшая подруга Инга. Инга все время уговаривала ее переехать и обещала место бухгалтера в фирме мужа, потому единственным препятствием было отсутствие жилья. Снимать квартиру в приморском городе ей было бы не по карману, а вот купить что-нибудь самое скромное за несколько тысяч долларов (в коробке явно было не меньше) — вполне реально. Если повезет, Алексей не появится дома еще неделю. Она оставит ему письмо, в котором сообщит, что через разбитое соседями стекло в дом пробрались воры, похитили некоторые ее вещи и взломали дверь в его комнату. Она боялась оставаться в квартире и уехала из города. Вскоре сообщит о своем местонахождении. Пусть потом доказывает, что это она взяла его деньги. На квартиру, мол, одолжила деньги у мужа подруги. Инга этот факт подтвердит, если что.

От сумбурных планов у Таши громко стучало в висках. Заснула она не раньше пяти утра с мыслью, что, когда проснется, непременно осуществит все задуманное. Хватит молча терпеть пощечины, нужно действовать, раз судьба предоставила такой шанс!

***

Просторный светлый зал был до отказа наполнен людьми. Большинство из них Наталья видела в первый раз. Некоторые улыбались, кивая в сторону деревянной платформы, где она сидела на стуле с высокой спинкой, обитой сиреневым велюром. Другие с интересом разглядывали что-то, спрятанное от ее глаз за мощной белой колонной с гофрированной поверхностью.

«Как трудно, наверное, было ее загибать. Она же каменная», — почему-то подумала Таша.

— Стартовая цена — десять тысяч долларов! — проорал бородатый мужчина во фраке. До этого она не замечала его присутствия. Между тем, он стоял совсем рядом.

— Одиннадцать тысяч! — закричала тучная дама в первом ряду.

— Одиннадцать тысяч раз!

— Пятнадцать! — предложил солидный джентльмен, подняв руку в белой перчатке.

— Двадцать тысяч! — донеслось из толпы.

Таша не могла понять, за какой лот идет борьба. Она испуганно озиралась по сторонам и пыталась встать, но ведущий непременно протягивал руку и усаживал ее назад в кресло.

— Двадцать тысяч раз! Двадцать тысяч два! Двадцать тысяч...

— Тридцать тысяч!

Голос, произнесший эту цифру, показался Таше знакомым. Она всмотрелась в толпу и узнала Алексея. На нем был строгий серый костюм, а голову почему-то покрывал узорчатый шелковый платок, точь-в-точь такой, как надевала Ташина бабушка Маня, когда ехала на рынок продавать черешню.

— Тридцать тысяч раз! Тридцать тысяч два! Тридцать тысяч ТРИ!
Продано!

В зале раздались аплодисменты. Алексей снял с головы платок и стал благодарно помахивать им и кланяться.

— Вынесите лот, пожалуйста! — победоносно заорал ведущий.

Из зала появились Инга и ее новый супруг. Они поднялись на платформу и скрылись за колонной, а через несколько секунд вернулись, неся в руках огромное блестящее блюдо, на котором сидел Васик в листьях салата, посыпанных консервированной кукурузой.

— Нет! — Таша рванулась вперед, но ведущий силой заставил ее сесть на место.

— Я купил его у тебя за тридцать тысяч долларов! — услышала она зловещий шёпот Алексея, что было очень странно, так как он по-прежнему размахивал платком в зале и даже не глядел на нее.

«Значит, это просто сон» — обрадовалась Таша, перестала бороться с ведущим и проснулась.

Во всей квартире, кроме комнаты Васика, где работал электрообогреватель, было так холодно, что пробирало до костей. Накинув стеганое пальто, Наталья сварила крепкий кофе. Наверное, она не станет будить малыша, пока не соберет вещи и не напишет письмо Алексею. Что же все-таки ему написать?

На душе было как-то гадко. С таким ощущением даже не хотелось начинать новую жизнь. Никогда еще она не брала ничего чужого. Наоборот, всегда получалось так, что брали у нее. После смерти родителей брат вдруг неожиданным образом стал инвалидом и оспорил завещание, написанное на двоих. Так она осталась на улице. Не совсем на улице, в университетском общежитии, что что ненамного лучше. Муж тоже поступил с ней крайне нечестно. Почему же она теперь не чувствовала в себе уверенности для того, чтобы взять эти деньги и уехать?

«Ты должна быть благодарна ему, что он позволил тебе и ребенку остаться в квартире. Это все-таки большое дело! Некоторые бросают жен и детей и не оказывают никакой помощи», — вспомнились слова ее бабушки. Сразу после развода она навестила внучку и правнука, привезла одну синюю курицу в качестве презента и рассудительно заметила, что когда люди расходятся, то виноваты обе стороны. Значит, Наталья не оказывала супругу должного внимания.

— Вот у меня всегда на первом месте был Антон Степанович. А потом уже дети и все остальные. Я об нем заботилась.

Таша не стала напоминать о том случае, когда при ней дедушка оприходовал бабушку по спине черенком от лопаты так, что та несколько дней не могла ровно ходить, но при этом продолжала оказывать ему всяческие знаки внимания. Но странное чувство вины закралось в ее душу. Может быть, она, действительно, сама виновата в том, что ее семейная жизнь сложилась таким образом? Наверное, ей стоило перебарывать себя, готовить ему завтрак, даже если не спала с Василием полночи? А вечером, уложив ребенка, изобретать разные способы соблазнения и развлечения?

Несколько раз Наталья доставала из кладовки дорожную сумку и снова клала ее на место. Наконец, она взяла коробку, снова заклеила ее скотчем и положила за шкаф.

***

Найти работу по профессии Наталье не удалось. Но в школе, расположенной недалеко от дома, освободилось место уборщицы. Зарплата была маленькой, но после основной нагрузки она подрабатывала, убирая в классных комнатах. Некоторые родители не хотели утруждать своих чад грязной работой по дежурству и оплачивали ее нехитрый труд.

Через месяц после инцидента с оригами, Алексей (которого не съели туземцы и он благополучно вернулся домой) объявил, что собирается жениться, а его будущая супруга уже на третьем месяце беременности. Потому Наталье и Василию надлежало освободить жилплощадь для новой семьи. Как только Алексей вышел за порог, она сразу же бросилась в его комнату и запустила руку за шкаф, но коробки там больше не было.

Продолжение следует...

Говорят, под Новый год...

«Дарагой дедушка Мароз!

Севодня в школе я рассказал, что каждый год пишу тебе письмо. Все дети надомной смиялись и я плакал. Костик сказал что деда Мароза не суццествует а я дибил.

Я им не верю патаму что пачти все желания, каторые я у тибя просил раньше исполнялись. Но у миня появились сомнения. Я всигда просил маму отправить новогоднее письмо а в этот раз отправлю сам. Если не одно мое желание не исполниться, значит тибя правда нету. А мне очень хочеца чтобы ты был дедушка Мароз!

В этом гаду я хочу попросить у тибя такие падарки: большого мидведя коричневова цвета каторова я видел в магазине месяц назад. И еще если тебе это не очень трудно сделай пажалуста так чтобы я нравился Наташе. Ана харошая и добрая и никогда не талкается и не отберает мои очки. Но ни хочет со мной сидеть за партой.

Дедушка Мароз! В моем письме много ашибок потому что раньше его проверяла мама. А сигодня ана не знает что я тебе пишу сам. Так нужно чтобы развеить мои сомнения за твой счет.

Спасиба тебе большое!

Я».

Антон Нежин сидел на тротуаре, оторопело уставившись на свой догорающий «Ауди». За тридцать лет жизни он еще никогда не оказывался так близко к смерти, не чувствовал сырое леденящее дыхание вечности на своей коже.

— Очнитесь! Вы в порядке? — слышал он отдаленно чей-то взволнованный голос.

Антон поднял глаза и увидел перед собой молодую рыжеволосую женщину. Она взяла его за плечо и слегка встряхнула.

— Как вы себя чувствуете?

Какое знакомое лицо. Где он видел ее раньше? Антон хотел что-то ответить, но не мог.

— Жалко, что он в машине не остался. Чуть девку не задавил! — заявила пожилая женщина, с нескрываемой злобой глядевшая на Антона.

— Да что вы такое мелете?! Она ведь на красный свет для пешеходов полезла, — возразил мужчина, стоящий рядом. — И вообще, это его от смерти спасло! Если бы он на нее не наехал и не вышел из машины, к этому моменту уже был бы шашлыком.

Наехал? На кого он наехал? Антон пришел в себя, и события последних десяти минут стали восстанавливаться в его голове. Вот он выезжает из офиса и направляется в свой загородный дом. На перекресте видит зеленый глаз светофора и жмет на газ, как вдруг перед самым капотом мелькает что-то ярко-рыжее и раздается звук удара. Антон бьет по тормозам, выскакивает из машины. На дороге, слегка склонив голову, сидит та самая рыжая женщина (вот почему ему показалось знакомым ее лицо). Он помогает ей подняться и ведет на тротуар, как вдруг раздается странный глухой звук, и на их спины накатывает тяжелая волна горячего воздуха. Антон оборачивается и видит, что салон его машины полностью объят огнем.

— Что-то пожарники долго не едут, — снова услышал он из толпы.

— Чего им уже ехать-то? Машине кранты, а если кто-то еще был внутри, то уж заказывайте панихиду. Эй, мужик, с тобой еще кто-нибудь в машине был?

— Нет, — ответил Антон и попытался подняться на ноги, но покачнулся и снова сел на тротуар.

— Вы посидите еще лучше, дождитесь скорую, — попросила его рыжая женщина. — Думаю, вам стоит пройти небольшое обследование после такого.

Тут он вспомнил, что только что сбил ее и испугался.

— Вы-то как себя чувствуете? Целы?

— Цела, кажется. По крайней мере, целее вашей машины, — грустно пошутила она, кивнув в сторону начинающей чернеть стали. — Как такое могло произойти? Это ведь не из-за меня?

Антон отрицательно покачал головой.

— Не знаю.

На самом деле, Нежин все прекрасно знал. Несколько дней назад его заместитель, Миша Борисенко, договорился о переговорах с крупным зарубежным производителем ультрановых ноутбуков. Вероятность, что «Технорад», фирма Антона, сможет заполучить контракт и стать официальным дистрибьютором модной и революционно недорогой техники, не была велика. Но в случае успеха, Нежин мог стать одним из самых состоятельных предпринимателей города. Конкурентов такое положение дел, разумеется, не устраивало. Пару раз ему намекали, что «не стоит начинать грызть этот орешек, а то можно и зубов лишиться», но он и мысли не допускал, что оппоненты были способны зайти так далеко.

— Я оставлю номер своего телефона. Думаю, он понадобится, когда приедет милиция. А мне нужно ребенка срочно забрать из сада, — сказала рыжеволосая и встала.

— Нет уж. Сейчас за вами приедет мой друг. Заберете ребенка вместе и поедете в больницу. Я должен знать, что с вами, действительно, все в порядке.

И Антон набрал номер Борисенко.

Гостиная расплывалась в густом хмельном тумане. Приехав домой только к полуночи, Антон принял душ и устроился на диване с бутылкой коньяка. Злость и страх ослабили свою хватку уже после второго бокала, но останавливаться не хотелось. Решать, что делать дальше, он будет завтра. А сейчас нужно расслабиться и отдохнуть.

— Бухаешь? — раздался ядовитый голос жены. Антон вздрогнул от неожиданности.

— Бухаю.

— Слабак!

Она издала горлом звук, который очень раздражал Антона. Что-то между «кх» и «хы». Так Ника делала всегда, когда была недовольна действиями мужа.

— Отвали! — он махнул рукой, от чего потерял равновесие и еще больше навалился на подлокотник дивана.

— Щас!

Вероника уселась в кресло напротив Нежина. Лицо ее, как и во все остальные вечера, покрывала какая-то зеленая слизистая жижа, походившая на экскременты марсианина. Он никак не мог понять, зачем ей в двадцать пять нужно было предпринимать столь отчаянные меры для сохранения молодости и красоты, и боялся представить, чем она станет обмазываться в сорок.

— Думать надо, что дальше делать. А ты разнюнился! Гадость какая.

— Можешь, пожалуйста, оставить меня в покое? — еле слышно попросил Нежин.

— Да на здоровье!

Она резко подскочила и пошла к лестнице.

— Ты бы пожалела меня. Я ведь чуть не погиб сегодня, — тихо произнес он ей в спину.

Вероника на секунду задержалась, не поворачиваясь:

— Ну не погиб же.

Она снова издала горлом гадкий звук и продолжила свой путь в спальню. Антон с трудом подавил в себе порыв запустить коньячной бутылкой вслед супруге.

«Поднять руку на женщину можно только раз в жизни: чтобы убить», — говорил его отец, сидя с газетой и наблюдая, как мама бегала по квартире в истерике и рыдала в голос о том, что папина зарплата мала, как и все остальные его достоинства. Правда, отец ее не убил, а ушел из семьи, когда Антону было десять. Именно тогда Нежин дал себе обещание, что никогда не разведется с женой. Даже если она будет такая же идиотка, как мама.

С самого утра воздух в помещении «Технорада» был наэлектризован и, казалось, что он вот-вот начнет слегка потрескивать, словно синтетический свитер, который снимают через голову. Борисенко, облаченный в свой лучший костюм, нервно бегал по кабинетам, выглядывая в окна. Антон, напротив, тихо сидел в своем кресле и пил кофе. С момента покушения он почти не спал.

— Да сядь ты уже, наконец! — приказал он Мише.

Борисенко упал в кресло и выдохнул.

— Если все получится, вечером поеду к Кате.

Когда выдавался удачный день, Миша имел обыкновение вознаграждать себя посещением элитной пустошевской проститутки Кати. Как-то раз, после очередного скандала с Вероникой, Антон тоже ездил к Кате. Но, обнаружив вместо тривиальной путаны остроумную и начитанную женщину, не смог с ней переспать, а проговорил все оплаченное время.

— И как у тебя еще бизнес получается вести? — удивился Борисенко, узнав подробности визита.

Представитель потенциальных партнеров появился в офисе минута в минуту. Его сопровождали двое: красивая юная брюнетка на

немыслимо высокой шпильке и пожилой мужчина в толстых очках. Самому посланнику было не больше тридцати пяти, но лицо его имело такое выражение, будто он в течение последних двухсот лет занимался раскрытием великих тайн мира и очень устал в процессе. Левую руку мужчины покрывала тонкая черная перчатка.

— Антон Сергеевич Нежин. Рады вас приветствовать! — представился Антон.

— Велиор Глебович Роднин, — медленно и четко проговорил представитель.

«Интересно, — подумал Нежин, — знают ли его капиталистические боссы, от какого словосочетания происходит имя Велиор?» Парадокс несколько развеселил Антона.

Несмотря на то, что Роднин держался довольно холодно, переговоры прошли успешно. Борисенко провел презентацию без единой запинки, сосредоточенно и картинно размахивая лазерной указкой, словно Пьер Булез — дирижерской палочкой. Нежин пригласил всех на обед в ресторан, и компания уже собиралась отбыть, как вдруг произошло непредвиденное: дверь кабинета распахнулась и на пороге появился неведь откуда взявшийся посыльный. Паренек держал в руках громадную игрушку — плюшевого коричневого медведя — и глупо улыбался.

— Кто вас сюда пустил? — возбужденно зашептал Борисенко, подбежав к двери. — Выйдите, пожалуйста.

— Мне нужно доставить этого медведя Антону Сергеевичу Нежину, — стал оправдываться посыльный. Голос у него был высокий и жалобный. — Антон Сергеевич сам его заказал!

— Ничего он не заказывал. Это ошибка. Убирайся отсюда, — зашипел Борисенко.

Нежин наблюдал за происходящим и не понимал, почему Миша набросился на парня. Как это маленькое недоразумение могло

расстроить сделку, которая уже практически была у них в кармане? Но тут он глянул на Роднина и испугался: лицо Велиора Глебовича побледнело, словно вместо медведя в кабинет занесли судебный иск об алиментах на четверых детей, о существовании которых он не знал до этого.

— Очень умно! — выпалил Глебович и фыркнул, чем напомнил Антону о жене. — Счастливо оставаться!

Он подскочил, словно ошпаренный, и пошел прочь. Свита бросилась вслед за боссом.

— Мать твою, Антон! Ты, действительно, заказал этого медведя? — чуть не плакал от досады Борисенко.

— Я что, похож на инфантильного идиота? А даже если бы и заказал, что с того? Что такого страшного в этом медведе?

— А то, — засверкал глазами Миша, — что этому, мать его, Глебовичу, два года назад на охоте медведь оторвал левую кисть, сечешь?

— Надо же, какой ранимый! Кто так дела делает?

— Да они могли прокатить нас только потому, что ему не понравился цвет твоих носков. Не говоря уже о такой насмешке! Сам знаешь, их предложение не заваляется. Желающих хватает.

К Антону вдруг пришло понимание того, что пустяковый инцидент провалил дело, ради которого они работали несколько последних месяцев. Ему, наверное, следовало разозлиться, выйти из себя, но ни на то, ни на другое просто не было сил. Хотелось покоя и коньяка.

— Ладно, не парься, Миша. Тебя в любую фирму с ногами и руками заберут. И, что радует, и тех, и других у тебя две, в отличие от Глебовича.

Борисенко скорчил досадливую мину.

— Пролетаю я сегодня мимо Кати. Причем, боюсь, не только сегодня.

— Ладно, кончай стонать. Самому тошно. А я поехал спать.

Антон встал. Во всем теле ощущалась слабость, ноги подгибались, словно он был куклой-марионеткой.

— На вот, забыл тебе вчера передать.

Миша протянул одевающему пальто Нежину какой-то конверт. Тот молча взял его, сунул в карман и вышел прочь.

Крупные снежинки опускались медленно, словно полупрозрачные пауки, которых кто-то спугнул с неба. Нежин выставил вперед ладонь и поймал одного. Ледяные лапки съежились, едва коснувшись кожи, и от паучка осталась лишь маленькая капля теплой воды. Колкий морозный воздух освежающим потоком проникал в легкие и возвращался едва различимыми облаками пара. Это напомнило Антону детские годы, когда он, направляясь домой после уроков, доставал из кармана огрызок карандаша и делал вид, будто курит. Нахмутив брови точь в точь, как отец, он вытягивал губы трубочкой и воображал, что выпускает вовсе не пар, а самый настоящий табачный дым. Мечты о первой сигарете ушли вместе с отцом. Антон не стал курильщиком и во взрослом возрасте, и дело было вовсе не в предостережениях Минздрава.

Усталость и подавленность усугубляли холод. Нужно было ловить такси, но Антон медлил. Ему предстояло сообщить жене о том, что поездку в Норвегию придется отменить, так как грядут серьезные финансовые проблемы. Не исключено, что его фирма и вовсе прекратит свое существование в ближайшее время. Вероника вряд ли сумеет достойно принять эту новость. Нежин заранее знал, что она скажет, и каких масштабов достигнет истерика. Лучше сообщить ей все по телефону. Таким образом визуально-звуковую атаку можно сократить до исключительно звуковой.

Зайдя в ближайшее кафе, устроившись у окна и заказав чашку кофе, Антон набрал номер жены.

— Слушаю? — простонала трубка сонным голом. Нежин глянул на часы. Стрелки показывали половину первого. В последнее время она спала почти две трети своего времени. Он даже заставил ее обследоваться, но анализы показали, что здоровье Ника имеет сибирское.

— Привет. У меня плохие новости.

— Какие? — спросила она, по-прежнему не просыпаясь.

— Переговоры провалились.

— Ну и что?

— Что значит «ну и что»? — Антона не на шутку раздражало ее безразличие к тому, каким образом он зарабатывал деньги, которые она так любила тратить.

— Провалились эти, будут другие.

— Не будет, Ника. И поездку в Норвегию придется отменить.

— Да ты что, охренел?!

«Проснулась», — мысленно констатировал Антон.

— У нас нет денег на эту поездку.

— Да ты что, Антон! Семьи передумали ехать на Бали из-за нас, ты это понимаешь? Они уже взяли путевку. Что я Лене скажу?

— Ну, не знаю. Скажи, что на Бали жарко и много инфекций. А в Норвегии труха с нее будет сыпаться гораздо медленней. Из-за холода.

— Ты конченный!

Нежин отключился. Прежде он страшно обиделся бы на такой выпад жены, но за последний год их совместной жизни она позволяла себе такое часто. И он привык. Так же, как привыкают к протезу: сначала он трет и мешает, а потом его почти перестаешь замечать. Хочется, конечно, проснуться одним прекрасным утром и увидеть, что вместо протеза — настоящая живая нога, но ведь чудес не бывает.

Кафе постепенно наполнялось людьми. Лица новоприбывших краснели после мороза, а глаза горели в предвкушении вкусного обеда.

— Ты допечатала письма? — звонко спросила красивая девушка за соседним столиком свою подругу.

«Письма...» Нежин вдруг вспомнил про письмо, которое дал ему Борисенко. Он достал из кармана помятый конверт. Кроме одной новогодней марки, на нем больше ничего не было. Осторожно надорвав край, Антон вынул изнутри белый лист, сложенный вчетверо и развернул его.

В центре ярко-красным фломастером кто-то нарисовал смешную, слегка кривоватую машину с глазами вместо фар. Внизу ровным круглым почерком было написано.

«Антон!

Когда мой сын услышал твою грустную историю, решил нарисовать для тебя новую машину. Он сказал, что «зимой опасно ездить в общественном транспорте, можно заболеть гриппом. Потому дяде, который прислал нам подарки, нужно обязательно подарить бумажную машину, он положит ее под елку на Новый год, и утром она превратится в настоящую».

Неприменно последуй его совету.

P.S. Обращаюсь на «ты», потому что мы — одноклассники. Я — Наталья Красина. Помнишь такую? Если ты свободен в пятницу, приходи в Русский театр на Новогоднюю елку. Васик будет выступать там с танцевальным коллективом. Начало в час дня. Мое место №14. Для тебя займу 15-е. Василий очень хотел бы сказать тебе спасибо за подарки лично»

Послание завершали несколько разноцветных смайликов. Сначала Антону стало совестно: он ничего не знал о подарках, за которые хотел поблагодарить его малыш. Идея, видимо, принадлежала инициативному и сообразительному Борисенко. Антон снова перечитал письмо. Что-то не давало ему выбросить послание. К чувству смущения

примешивалось странное ощущение, природу которого Нежин не мог понять. Такое испытываешь, когда собрав пазл практически до конца, обнаруживаешь, что не хватает одной детали. Ты знаешь, что она вряд ли найдется. Понимаешь, что и без нее справился с задачей. Но чувство удовлетворения все же не приходит.

«А что, если отвезти того несчастного медведя малышу Наташи», — вдруг пришло в голову Антона.

«Медведя, медведя... Наташа и медведь...» Два слова крутились в его голове, словно заевшая виниловая пластинка.

И вдруг пришло осознание. Может быть, он сошел с ума, но, кажется, сегодня сбылись желания, о которых он просил Деда Мороза двадцать три года назад! «Хочу большого коричневого медведя, и чтобы Наташа хотела сидеть со мной за одной партой». Таким было примерное содержание просьбы.

Так и есть. Заказ выполнен. На полу в его кабинете сидел тот самый медведь. В этом не было сомнения. И одноклассница Наташка, в которую он был влюблен до седьмого класса, пока не перешел в другую школу, в буквальном смысле, хотела «сидеть с ним рядом» на празднике своего сына в пятницу. Он даже не пытался понять, как такое могло произойти, но на душе вдруг стало радостно. В первый раз за очень долгое время. По-настоящему радостно. Нежин достал телефон и набрал Борисенко.

— Миша, где живет та женщина, Наталья?

— Какая? Пострадавшая, что ли?

— Ну-да. Где они с сыном живут?

— Во втором общежитии на Ростовской. А что случилось?

— Ничего. Ты еще в офисе?

— Да.

— Вытащи-ка мне в холл ту игрушку, которую принес курьер.

— С тобой все в порядке, Антон?

— Даже больше, чем ты думаешь. Неси медведя.

Антон расплатился за кофе и быстро пошел к выходу.

Сидя на ковре рядом с наряженной елкой, Нежин уплетал уже третий мандарин и поглядывал на четвертый, обернутый в фольгу и подвешенный за ниточку на одной из нижних веток.

— И куда в тебя все это только лезет? — раздался за спиной старческий голос.

Антон вскочил, выронив от неожиданности последнюю дольку мандарина. Прямо перед ним стоял крохотный мужичок в костюме Деда Мороза.

— Что вам нужно?

Он пытался рассмотреть, есть ли у пришельца оружие. Кому могла понадобиться его смерть теперь, когда сделка сорвалась? Да еще в такой извращенной форме — от рук Санты-лилипута.

— Чего ты орешь?

Мужик подошел к креслу и свалился в него.

— Плесни-ка мне лучше чего-нибудь покрепче. Уморился.

— Да кто вы такой?

— У тебя что, зрение плохое? Или ты перепил? Дед Мороз я.

Антон придвинулся ближе к секретеру. Там лежал газовый пистолет.

— Вас Наталья для Василия наняла?

Дед обиженно хмыкнул.

— Отлично! Сначала ты меня за серийного убийцу принял, а теперь самозванцем обзываешь.

Красной варежкой он взял край своей бороды, казавшейся совершенно натуральной, и отер им вспотевший лоб.

— Ладно, так и быть. Предъявлю документ, в соответствии с которым я уполномочен был явиться сюда сегодня.

«Налоговый инспектор?» — пришла вдруг глупая догадка в голову Антона. Мужик вдруг заливисто расхохотался.

— Где же это ты видел, чтобы налоговые инспектора вечером 31-го в костюме Санты по домам шастали?

Нежин впал в ступор. Либо дед читал его мысли, либо у него начались галлюцинации.

— Ладно, вот, гляди!

Мороз достал из кармана старый пожелтевший листок бумаги и протянул его Нежину. Тот, взглянув, обомлел: это было то самое письмо, опущенное им двадцать с лишним лет назад в почтовый ящик. В графе адресата стояло «Дедушке Марозу!», выписанное кривым детским почерком.

— Откуда у вас это?

— От верблюда. Если ты верблюд, конечно. Ну, налей мне чего-нибудь, а?

— Коньяку?

— Можно.

Нежин достал из бара бутылку и бокал, налил и протянул незнакомцу. Тот молниеносно проглотил золотистую жидкость, от чего вспотел еще больше.

— То есть, вы хотите сказать, что вы — настоящий Дед Мороз, так?

— Разумеется. Можно просто Коля. Ты же уже большой мальчик.

Антон снова уселся на пол возле елки. Может быть, сумасшедшая смена событий в течение последней недели расстроила его психику? Покушение, неудавшаяся сделка, разрыв с женой, быстро развивающиеся отношения с Натальей, неожиданное отцовство. Нет, он был очень доволен тем, как все складывалось. Но, возможно, его организм запротестовал против таких темпов. Нужно скорее позвать Наталью (она укладывала Василия в спальне на втором этаже) и

проверить, увидит ли она этого чудика. Если нет, то дела его были плохи.

— Не нужно никого звать! — снова ответил дед на мысли Антона. — Я здесь ненадолго. Просто дух перевести. И извиниться.

— За что?

— За задержку. Неувязочка вышла с твоими желаниями. Такое часто бывает. Понимаешь, ужесточенный визовый режим, дорожные сборы и все такое. Да и почта наша, сам знаешь, как работает. Но ведь главное, что желания все-таки исполнились, правда?

Антон продолжал оторопело глядеть на пришельца. Тот посидел еще пару минут молча, затем встал и подошел к окну, до нижнего края которого едва доставал подбородком. Совершив вдруг легкий высокий прыжок, неизвестно каким образом удавшийся человеку с таким маленьким ростом и тучным телом, дед оказался на подоконнике и приоткрыл раму.

— Хорошие мальчики говорят спасибо, когда им делают подарки, — обиженно сказал он, обернувшись.

— Спасибо, — машинально повторил Нежин.

Дед кивнул и выпрыгнул в метель.

— Антош, ты чего окно раскрыл? Простудишься ведь в футболке.

Нежин открыл глаза и понял, что лежит на диване. Наталья пыталась справиться с огромной рамой, никак не поддававшейся ее миниатюрным слабым рукам.

«Приснится же такое!» — подумал Нежин, обрадованный тем, что это был всего лишь сон.

— Василий уснул?

— Как сурок.

— Сколько до Нового года?

— Полтора часа. Сейчас уже поспеет курочка.

— Ням-ням! — Антон подпрыгнул с дивана и подхватил Наталью на руки.

— Проголодался? — спросила она, нежно поглаживая его по щеке.

— Еще как!

— Тогда принеси скатерть. Будем накрывать. Ой, гляди, что это такое?

Она указала пальцем на пожелтевший листок, лежавший посреди комнаты.

— Это... это из документов выпало, наверное. Сейчас уберу.

Он осторожно опустил Наталью на пол, пытаясь скрыть замешательство. Когда она снова ушла на кухню, Нежин поднял письмо и подбежал к окну. Во дворе не было ни души, только ветер врезался в волны сугробов, разбрасывая сотни снежных брызг.

— Спасибо! — прошептал он в зимнюю полночь, улыбнулся и осторожно прикрыл окно.

Былабылидочка

— Какая хорошенькая-то, господи! Давно таких не было. Баб Маш, отказницу новенькую видала?

Дородная высокая нянька склонилась над пластмассовой люлькой, больше напоминавшей корыто, в каких полвека назад стирали панталоны. Услышав обращение, уборщица, баба Маша, оперла швабру о стену и подошла ближе, припадая на левую ногу.

— Гляди, какая, а? – умилялась нянька.

— Сколько ей? – пробасила уборщица.

— Десять дней вроде. Вчера привезли.

— Что за дрянь бросила?

— Сказали – малолетка, вроде. Девке пятнадцать, из богатой семьи. Родители не разрешили забрать, наверное. Да бес их знает! Но какая девка-то, красавица будет. Гляди: бровки, реснички – как нарисованные. Я так о дочке мечтала. Была бы у меня Лидочка! Так нет. Три лба. Сладу никакого! Всю душу вымотали...

Баба Маша молча покачивала головой, слушая няньку и не отрывая взгляда от свертка, заключавшего в себе маленькое человеческое существо.

Девочка, действительно, сильно отличалась от большинства грудных детей с их еще неоформившимися чертами и рассеянным, бесцветным взглядом. Пухлые губки розовели на бледноватой сатиновой коже. Редковатые бровки и реснички уже имели замечательный черный цвет. Большие темные глаза, казалось, абсолютно осознанно смотрели на двух теток.

— Глаза-то, поди, фиалковые будут, как у Софи Лорен, – продолжала умиляться нянька.

Лицо бабы Маши вдруг злобно исказилось, и морщины на грубой смуглой коже будто углубились.

— Сволочь, — прорычала уборщица. — Стерилизовать бы ее и засунуть все вырезанное в задницу!

Грубыми движениями бабка затолкала рыжевато-седые космы под платок, резко повернулась и заковыляла к своему орудию труда.

***

— Главное — верить, Елена Вячеславовна. На этот раз у нас все получится.

Молодой, гладко причесанный врач старательно натягивал улыбку на кости широких угловатых челюстей. Тонким наманикюренным пальцем он нежно поглаживал поверхность стола, выполненного под мрамор. Его собеседница, женщина лет тридцати пяти, устроилась в мягком кожаном кресле. Отсутствующе глядя в большое окно за спиной мужчины в белом халате, она машинально тербила мочку правого уха, чуть оттянутую массивной серьгой из белого золота.

— Перед двумя предыдущими попытками вы мне то же самое говорили, — резко произнесла она и со злостью посмотрела в лицо врача. — И, смею напомнить, процедура эта у вас не бесплатная. Вы думаете, мы с мужем их рисуем? Я не говорю уже о том, насколько психологически трудно переживать каждую неудачу.

— Я все понимаю, Елена Вячеславовна, — печально заговорил мужчина и улыбка его стала еще более искусственной. — На этот раз мы сделаем для вас значительную скидку.

— Обязательно побываем на вашей распродаже, — насмешливо кинула Елена, встала и вышла из кабинета.

Уже два месяца по улицам города бродила осень и занудно ныла мелким дождем. Даже молодой сентябрь, всегда носивший бархатный фрак, в этом году напялил грязно-серый кафтан, грубый и колючий, как мешковина.

Елена никогда не чувствовала себя несчастнее, чем сегодня. Дело в том, что утром ее организм в который раз, как часы, предоставил неопровержимое доказательство того, что четвертая попытка искусственного оплодотворения оказалась тщетной.

Даже не расчесав волосы, Лена глубоко натянула норковую шапку, накинула дубленку и выбежала из дома. Муж еще спал.

В ее жизни было все: огромная, шикарно обставленная квартира, собственная иномарка, дача на южном берегу Крыма. С мужем, крупным бизнесменом, Елена жила уже десять лет, их отношения, начавшиеся с искренней влюбленности, давно перешли в довольно крепкую привязанность и взаимное уважение. Кроме того, союз их довольно основательно подкреплялся значительной долей отцовского капитала, вложенного Еленой в семейный бизнес. Было все, кроме одного: уже семь лет Лена не могла забеременеть.

Сапоги на низком ходу мерзко чавкали в полных грязи, осенних лужах. Она старалась изо всех сил прогнать от себя слова, от которых кожа становилась гусиной и жизнь теряла смысл. Но упрямое сознание снова и снова твердило: «У тебя никогда не будет детей».

Лена вспомнила, что на прошлой неделе, проходя мимо магазина детской одежды, она увидела на витрине замечательную бархатную пайту красного цвета. Тогда она не удержалась и купила чудесную вещь. Целый вечер она сидела в своей комнате, поглаживая мягкие рукава кофточки и представляя, как, через пару лет они будут облегать маленькие нежные локоточки. Это воспоминание больно кольнуло женщину. И без того мокрый парковый пейзаж пополз и стал размытым, как на картине импрессиониста. Стерлись грани темных

деревьев, фонарей с разбитыми плафонами, скамеек, облезлого дома малютки, вглядывающегося в сумерки парка светящимися окнами. Внезапно Лена выпрямилась и кончиками безымянных пальцев смахнула выступившие слезы.

— Хватит себя мучить, — произнесла она вслух, — в конце концов, можно найти другую клинику. И в следующий раз все получится.

С этими словами женщина развернулась и твердыми шагами пошла вдоль парковой аллеи.

***

В игровой комнате Третьего дома малютки ярко горел свет. Группа малышей в возрасте примерно двух лет возилась на потертом ковре. В стороне от всех под слегка приоткрытым окном, стояла девочка. Ростом она едва доставала до верха темно-синего радиатора, висящего на ржавых крюках под подоконником. Запрокинув маленькую головку с замечательно черными кудрявыми волосами, девочка внимательно смотрела на колышущиеся за окном ветки. Огромные фиалковые глаза, обрамленные темными ресницами, горели по-детски искренним интересом. Время от времени девочка откусывала кусочек сухого галетного печенья, и мелкие крошки сыпались на застиранную, побитую молью шерстяную безрукавку.

Подлог

Начало июня – необыкновенная пора. Воздух уже успел потеплеть, словно руки умелой любовницы, а деревья покрылись юной девственной зеленью. Именно в это время всех девушек, живущих в вашем городе, можно легко разделить на три категории. Причем, для того, чтобы сделать это, вам понадобится лишь взглянуть на их ножки.

К первой группе относятся те, у кого есть состоятельный спонсор. Они уже сняли колготки и обулись в сексуальные открытые босоножки. Их ноги гладкие, загорелые, так как у спонсора есть средства на солярий и прочие преимущества красивой жизни.

Ко второй категории относятся те, у кого нет состоятельного спонсора: эти еще не сняли колготок, или джинсов, несмотря на припекающее солнышко, потому что ножки у них после долгих холодов беленькие, как у призраков. Открытую обувь они тоже не рискуют одевать пока что – еще не успели сделать педикюр. Они мучаются, потеют, но не перестают надеяться на то, что спонсор все-таки появится. А белыми ножками его можно случайно отпугнуть.

В третий дивизион входят не очень ухоженные дамочки, которые отважно облачились в юбки и демонстрируют миру все неровности и «незагорелости», так как не хотят мучиться. У этих спонсора либо нет вовсе, либо тот, который есть, инвестирует только в себя. А, может быть, иногда приходится содержать и его самого.

Что касается меня, я отношусь к третьему виду девиц. Вернее, относилась до прошлого июня, пока со мной не произошла одна необыкновенная история. А было все так.

В пятницу после работы я и пара моих приятельниц (кстати сказать, тоже «третьего сорта»), отправились в бар попить пива. Пили много, очень много. Вопросы моей нравственности не слишком волновали

моего супруга. По крайней мере, гораздо меньше, чем онлайн игры. Потому хватить лишнего было не грех.

Часов в десять вечера я «пришталась» домой и обнаружила невероятное: там было совершенно темно! Даже зловещий горячо мною ненавидимый монитор компьютера не отбрасывал ни одного луча. Он был выключен! А на диване под пледом мирно спал муж.

Как же давно я не видела Вадика спящим. Как давно не засыпала без заикающегося щелканья мышки и лязга клавиатуры. Впрочем, сейчас я тоже не видела мужа, так как было темно, но этот спящий бугорок под пледом, который вдруг забыл о своей онлайн игре, вызвал в моей душе огромную нежность (хотя, не исключено, что и полтора литра пива сыграли свою роль). Скинув с себя всю одежду, я нырнула под одеяло и стала радостно целовать и обнимать мужа.

Ой, что было! Признаюсь честно, такого я не испытывала даже в первую брачную ночь. Несмотря на то, что к тому моменту мы состояли в браке уже три года, многое случилось в первый раз. Честное слово. После трех часов всяческих открытий и радостей я мирно уснула на его плече.

Когда июньское утро заглянуло в наше треснувшее и заклеенное изолентой окно, я проснулась. Радостная, и, стыдно признаться, держа в руках предмет моей неожиданной радости. Вдруг вижу над собой искривленное лицо Вадика. И понимаю: предмет радости, который я держу в руках, принадлежит вовсе не ему!

– Мама, – подумала и, кажется, даже произнесла я. Потом повернулась.

Рядом со мной мирно спал Алексей Степанович, начальник Вадима.

Накануне вечером муж пригласил его домой, чтобы отпраздновать день города. Праздновали успешно, потому Алексей Степанович непроизвольно устроился спать на нашем диване. Там-то я его и нашла, по ошибке.

– Вадечка, я не виновата, – взмолилась я.

– Что у тебя с ним было? – суровым шёпотом осведомился муж.

Я набралась мужества:

– Все, – говорю. – Все было, Вадик.

Сейчас будет взрыв, думаю.

– А ну, вылезай, быстро! – скомандовал муж.

– Не надо, Вадик! Не надо! – взмолилась я.

– Надо, вылезай!

Я медленно выбралась из-под одеяла, ожидая, что муж накинется на начальника. Или, на худой конец, зарядит в глаз мне. Но этого не произошло. Он быстро юркнул на мое место и прошипел:

– Иди отсюда. Ложись в спальне, поняла? Если что, пришла домой навеселе, ничего не видела, ничего не знаешь! Ясно?

– Ясно, – проблеяла я и припустила в спальню.

Уже в июле муж стал заместителем начальника. Онлайн играми он больше не увлекается. А я не пью пиво, завязала. Поменяли окно и сделали косметический ремонт. На солярий тоже средства имеются, но я не хожу. Из солидарности с подружками.

Берегись честных с молодю

Меня зовут Арина. Можно просто – Рина. Мне тридцать восемь лет. Наверное, не пристало женщине с такой легкостью афишировать свой возраст. Сильные мира сего давно определили, что слабому полу негоже напрямик высказывать то, что и так написано на физиономии. Факт наличия за плечами свыше трех десятков лет нужно всячески скрывать, потому как каждый год жизни мужчины прибавляет ему зрелости, мудрости, остепененности и солидности; женские же годы повисают на хрупких плечах ярлыками поношенности, потасканности и ветхости. Отсюда, видимо, и появилось выражение «старая вешалка».

Но ведь здесь собрались одни только девочки? Поэтому, не опасаясь осуждающих взглядов, скажу: мне тридцать восемь. И я не замужем!

Возникает вполне логичный вопрос: почему? Честно говоря, я и сама не смогу дать однозначный ответ. Но подозреваю, что все потому, что я очень честная. Знаю, звучит странно. Но посудите сами.

Сразу после школы, получив золотую медаль на шею и аттестат в зубы, я поступила в университет. Храм знаний находился в другом городе. Провожать меня собралась вся семья. Мама, папа, бабушка, дедушка и соседка тетя Майя сидели с таким лицом, будто я уходила на фронт.

— Риночка! Заклинаю тебя, не ешь в буфете ихнюю парашу! Ты окончательно загубишь свой желудок, — причитала бабушка.

— И чтобы до шести вечера возвращалась в общежитие! — строго увещевала мама. — Никаких хождений по темноте!

— Молодежь пошла развратная! Им бы только гулять да выпивать, — бубнил дед с набитым ртом, не отрывая взгляд от тарелки с холодцом.
— Смотри не попади ни в какую пагубную компанию.

Перечислив все то, что мне было категорически нельзя, семья рассредоточилась по комнате и стала смотреть мексиканский телесериал. Тетя Майя же под села ко мне и зашептала, заплывывая мое ухо.

— Риночка, рибочка, мама уже объяснила тебе, как нужно вести себя с мальчиками? Ты же уже взрослая девочка и понимаешь, что им всем только одно таки надо. Так шо я тебе хочу сказать: если какой наглец попытается тебя за попу потрогать, или еще за что-нибудь, так ты ему сразу по рилу, шоб не повадно было! Поняла?

С самого детства меня учили быть честной, во всем и всегда. Потому за все годы моего пребывания в университете я почти никогда не ела в столовой, вечера всегда проводила одна в двухметровой комнате студенческого общежития, и «за попу» никто меня не трогал. За дерзкие попытки (которые, понятно, имели место, потому что я не была дурна собою) я не дралась, как советовала «доброжелательная» соседка, но корчила такую недовольную рожу, что вскоре не осталось ни одного желающего такие попытки предпринимать.

Моим первым серьезным воздыхателем был очкарик Колька из параллельной группы. Два последних года учебы он ходил за мной по пятам, приносил пончики со сгущенкой и ничего не требовал взамен. Мои подруги прозвали его «тенью», хотя, для того, чтобы сложить одну мою тень, понадобилось бы, как минимум, два с половиной тщедушных Кольки. Родом мы были из одного города, поэтому после окончания учебы я решила пойти на отчаянный шаг – познакомиться ухажера с родителями.

Снова собралась вся семья. Присутствующие смотрели на нас так, будто я привела с фронта языка.

— И что же, это у вас серьезно? – без всякого предисловия залепила бабушка, как только все уселись за стол.

— Ну... в принципе... можно сказать, что..., — как-то глухо, будто из водопроводной трубы, забубнил Колька.

— И когда же свадьба? — не дала ему закончить бабушка.

Бедняга выпучил глаза и подавился.

— Бабушка! — рявкнула я.

— Что бабушка?

Колька прокашлялся и сидел молча с красной мордой.

— А ты, часом, не пьющий? — поинтересовался дед, не отрывая глаз от куриной ноги, которую методично терзал вилкой.

— Нет, что вы!

— А кто ваши родители? — продолжила допрос мама, окинув Кольку начальственным взглядом.

Надежда Алексеевна, Колькина мама, замечательная добрая женщина, вышла на пенсию и подрабатывала уборщицей в Доме офицеров. Папа был потомственным алкоголиком и «внял зову крови» еще до того, как сын пошел в школу. Некоторое время Колька сидел молча, как-то беззащитно осматриваясь по сторонам. И вдруг его прорвало. Он стал рассказывать о том, что мама — врач-невролог, кандидат наук. Папа — полярный исследователь, который погиб где-то в северных широтах (при этом Колька назвал точную дату и место) много лет назад. Кроме того, появился старший брат, которого на самом деле, разумеется, никогда не было. Брат закончил МГИМО и уехал в Нидерланды по трудовому соглашению. Коля был в ударе. Таким я его еще ни разу не видела. Впрочем, после того дня я его больше вообще не видела.

Когда я поняла, что Николай уже не выйдет на связь, заперлась в своей комнате и не выходила целую неделю. Время от времени к двери подходил папа, тихо стучал и говорил:

— Ну, полно тебе страдать. Зачем в нашей семье нужен такой враль и пройдоха?

Свое второе увлечение я встретила уже на работе в проектном бюро. Высокий темноволосый Евгений с идеальным греческим носом стал оказывать мне знаки внимания с первого дня нашего знакомства. Все время приносил конфеты и букеты. Сладости я съедала с сотрудницами, а цветы оставляла на тротуаре в соседнем дворе, дабы не возбудить дома никаких подозрений. Через месяц приятного общения Евгений пригласил меня к себе домой. Был праздничный день и всех сотрудников отпустили раньше на целых три часа. Сначала на ухоженном «Ланосе» Жени мы поехали в супермаркет, где он купил множество вкусностей и бутылку дорогого вина, затем отправились к нему. Уже заходя в подъезд, я вдруг услышала знакомый голос.

— Арина, это ты? – Тетя Майя поставила на пол авоськи. – Шо ты тут делаешь?

Я хотела что-то ответить, но как-то не смогла сразу найти правильное определение того, что конкретно я собиралась делать. Тем более, что я этого еще никогда и ни с кем не делала.

— Мама знает, шо ты здесь? – не унималась тетка.

— Не знает. И я очень прошу вас ее об этом не уведомлять.

Евгений посмотрел на меня со странным выражением. Не удивительно. Мне было двадцать шесть, и наша конспиративная беседа его озадачила.

— До свидания, тетя Майя!

Мы вошли в подъезд, а соседка так и стояла, с подозрением провожая нас взглядом.

— Что за странная женщина? – спросил Женя, когда мы вошли в квартиру.

— Да так, не обращай внимания. Родственница, – соврала я, не желая вдаваться в подробности.

Прошло около получаса. Играла мягкая приятная музыка, я пила сладкое вино и наблюдала за тем, как Женя проворно нарезает овощи в какой-то экзотический салат. За окном уже начинало садиться теплое весеннее солнце, заливая окрестности мягким розовым мармеладом. Мне было хорошо и радостно. Я готова была обнять все, на что падал мой взгляд: серые пятиэтажки, цветущие деревья, машины, бегущие по дороге у подъезда и ... О Боже! Около зеленого «Ланоса», на котором мы приехали, стояла моя мама. А рядом с ней — папа и дедушка. Меня захлестнул ужас. Как же быстро сработала система оповещения, и команда приехала на место преступления!

Сначала я решила не показывать вида, что что-то не так и просто подождать, когда они уйдут. Но тут папа обратился к вышедшему из подъезда жильцу, и по жестике я поняла, что он спрашивает, в какой квартире живет владелец зеленого автомобиля. Жилец явно поделился информацией и семейство вошло в подъезд.

Я налила себе полный бокал вина и мигом его выпила. Раздался звонок в дверь.

— Кто бы это мог быть? — сказал Женя, вытирая руки, — Посмотрим.

Я схватила его за рукав.

— Давай не будем открывать!

— Почему? Вдруг это что-то важное. Или кто-то важный!

Женя поцеловал мою руку и прошел в прихожую. Я осталась на кухне и стала прислушиваться, готовясь к позору.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Вы к кому?

— Мы не к кому, а за кем.

— В смысле?

— Моя дочь, Арина, у вас?

— Ах, вы отец Арины? Проходите, пожалуйста, — предложил удивленный Женя.

— Спасибо, не нужно. Арина! Ты меня слышишь? Собирайся!
Поехали домой, — крикнул он через плечо Евгения. — Мы ждем тебя
внизу. И никуда без тебя не уйдем, понятно?

Дверь захлопнулась.

Я одевалась, глядя себе под ноги

— Прости, пожалуйста, — сказала я и вышла, не дожидаясь ответа.

На следующий день я съехала на съемную квартиру. С Евгением мы
больше не общались. Он не проявлял инициативу, я тоже.

Когда мне исполнилось двадцать восемь, я до безумия влюбилась в
другого своего сотрудника. Он был старше на восемь лет, красив,
обаятелен, остроумен и женат. Леня (так его звали) ответил
взаимностью. Наши отношения длились девять лет. О них не знал
никто, по понятным причинам. Редкие страстные встречи, звонки
украдкой. Когда мне было тридцать пять, он решил уйти из семьи.

— Я устал так жить. Дети уже взрослые. Я хочу быть с тобой.

Мне самой хотелось этого до безумия, но моя совесть не давала
покоя. Ведь это совершенно бесчестно по отношению к его семье! Его
жена никогда не работала и останется совершенно без средств к
существованию. Целую неделю я редела по ночам и размышляла о том,
как поступить. Известно, что на чужом несчастье ничего достойного не
выстроишь.

Через месяц Леня все же ушел из семьи. Но уже не ко мне.

Сейчас мне всего лишь тридцать восемь. И я пока что не замужем.
Но, вероятно, скоро буду. Собственно, потому я и рассказала вам эту
историю. Ведь приятнее слушать о том, что хорошо кончается?

Так вот, месяц назад я возвращалась с работы темным вечером. У
самого подъезда, будучи весьма близорукой, я не заметила какой-то
крупный предмет и изо всей силы шмякнулась о тротуар. Оправившись

от удара, я рассмотрела, что предметом был мужчина, очень прилично одетый, от которого совершенно неприлично разило перегаром. Я встала, отряхнулась и хотела уже было хромать домой, но вдруг подумала о том, что беднягу непременно обчистят «добрые» горожане, или еще хуже — изобьют. Поставив на пол сумку, я принялась трясти его, чтобы разбудить. Но, кроме скорбного «н-н-не надо, пожалуста», ничего добиться не удалось. Собрав все силы, я напряглась и заставила подняться горе-пьяницу на ноги. С трудом дотащила его до своей квартиры и свалила в прихожей. Там он и провел ночь под старым пледом. Что сказала мы моя семья и тетя Майя? Кошмар!

На утро находка оказалась сорокалетним, очень симпатичным Андреем. Он без конца благодарил меня за доброту и сочувствие, с удовольствием уплетая горячие блины со сметаной. Объяснял, что встретил однокурсника, которого не видел уже пятнадцать лет, и не рассчитал силы в порыве радости. Уходя, взял номер моего телефона, а вечером снова вернулся. Трезвый. И кто скажет, что хорошие мужики на дороге не валяются?

Весь месяц мы прожили вместе, а сегодня утром подали заявление. Иногда мы смеемся, вспоминая о том, как познакомились, и обдумываем, что скажем своим будущим детям по этому поводу. Конечно же, только правду: «Встретились в театре».

Ведь вся жизнь — театр!

Ты меня любишь?

– Вер. Ве-е-ра. Ну, Верочек! Проснись!

Аккуратно, но очень настойчиво, Леня терся о бок спящей жены. Кругленькая мягкая Вера, со своими темно-рыжими волосами, в белой ночной сорочке, напоминала свежий пончик с вареной сгущенкой.

– Вера! Проснись! Ну, Верка!

– Лёнь, дай еще поспать, – чуть слышно простонала Вера и повернулась на бок.

Но отступить было поздно, и Леонид, пододвинувшись ближе к жене, закинул на рубенсовский бок костлявую ногу.

– ВЕРА! Ты меня любишь? – громко произнес он над самым ухом жены.

Вопрос, заданный патетическим тоном, был проигнорирован.

– ВЕРА! ТЫ МЕНЯ ЛЮБИШЬ? – надрывно произнес Леня.

Тяжело вздохнув, Вера развернулась и заключила мужа в сдобные объятия.

В шесть часов утра ушераздирающе зазвенел будильник. Слово по команде «подъем», Вера вскочила, совершила утренний туалет и приступила к выполнению уставных обязанностей. В ее роте, помимо горячо любимого супруга, было еще два «рота»: двухлетняя Женька и пятилетний Максим Леонидович.

– Доброе утро, Верок! Завтрак готов? – взъерошенный Леня стоял на пороге кухни, сверкая голыми ногами. На его худощавом теле болтались голубые семейные трусы, больше напоминавшие теннисную юбочку.

– Садись, Леня, все готово.

Стремительно, словно спринтер, он подбежал к столу, где уже красовались две ароматные отбивные, разогретые с сыром и

помидорами. По-спортивному быстро справившись с завтраком, «спринтер» потянулся и громко отрыгнул.

– Вкусно! Веруся, ты – волшебница. А еще есть?

– Есть. А что?

– Еще бы одну...

– Леня, мне тогда сегодня опять их жарить придется.

– Ну, Верочек! Так хочется, так хочется! Ты себе не представляешь!

– Да ведь ты и так двойную порцию съел, Леня! Куда оно только в тебе деваается? Тощий, как вобла, а лопаешь, как хряк!

– Вера, я еще хочу!

– Обойдешься.

– Вера, ты меня любишь?

Вера виновато вздохнула и поставила в микроволновку еще одну отбивную.

Проводив на работу супруга, три отбивные в его желудке и две котлеты «по-киевски» в пластиковом судочке, Вера принялась за вторую порцию домочадцев. Здесь утренние процедуры проходили дольше, с визгом, хохотом, а нередко и с рукоприкладством, так как, в силу возраста, Женя и Максим Леонидович в уставе разбирались плохо. Однако в заботливых руках Веры дело спорилось и, к десяти часам утра, она уже сидела в сквере под сенью многолетних деревьев. Толстая рыжая коса величаво отдыхала на рельефной груди, а округлые белые руки ловко выводили петли будущей детской безрукавки. Неподалеку от лавочки, в песочнице, сидела Женя, попеременно ковыряясь то в носу, то в серых речных ракушках. Максим Леонидович носился по аллее на трехколесном велосипеде, оглашая сквер радостными воплями и дребезжанием металла.

Вера отложила в сторону вязание, оправила складки синей трикотажной юбки и широко улыбнулась. Воздух был свежий, солнце – ласковое, дети – пухленькие и здоровые. А вечером, ровно в восемь, по

центральному телевидению будут транслировать главное шоу страны «Таланты, вперед!» В прямом эфире! Финал! Вот уже два месяца Вера не пропускала ни одного выпуска, и сегодня был апогей. Она заранее пополнила счет мобильного, чтобы отправить не одно, а несколько сообщений за любимого участника.

– А-А-А-А-А! – пронзительный детский вопль отвлек Веру от сладостных размышлений. Доносился он из песочницы, но плакала не Женька, а ее маленький ровесник. Худенький, бледный мальчуган стоял посреди песочницы и лил горькие слезы, а девочка уже набрала новую горсть ракушек и метила ему в голову.

– Женька, нельзя!!! – закричала Вера и выдернула крепышку из песочницы. Та, в свою очередь, не растерялась и осуществила свое злодейское намерение прямо в декольте матери.

– Ах ты, говнюшка! – прорычала Вера и стала кормить женину попу громкими шлепками.

– А-А-А! – обиженно вопила Женька.

Как раз в этот момент Максим Леонидович, засмотревшись на экзекуцию, на полной скорости врезался в бордюр. Велосипед отчаянно взвизгнул, резко наклонился вперед и Максим Леонидович, совершив эффектное сальто, оказался на газоне.

– Мамочки, Максим! – закричала перепуганная Вера.

– Ма-а-ма-а-а! – заныл Максим Леонидович альтом.

– А-А-А! – не унималась Женька.

Через пятнадцать минут разбитая «рота» двигалась по направлению к дому. Сопли были вытерты, коленки смазаны йодом, всхлипывающие мордочки обцелованы. В правой руке сержант Вера несла рядовую Женю, которая напрочь отказалась передвигаться самостоятельно.левой рукой Вера обхватила израненную боевую машину. Максим Леонидович плелся сзади, обнимая отломанное колесо и скорбно глядя себе под ноги.

«Давай пойдем с тобой туда, где нет ни снега, ни дождя», — замыкал вдруг мобильник. Процессия остановилась.

– Слушаю тебя, Лёня.

– Вера, почему ты не ответила на мое смс? – голос мужа был деловым, как всегда, когда он звонил с работы.

– Не до смс мне было, Леня, — с одышкой проговорила Вера и опустила дочку на тротуар.

– Что-то случилось?

– Максимка упал с велосипеда и сильно ушибся.

– А, понятно... Слушай, Вер, тут Антоныч зовет пива попить.

Сегодня же короткий день. Я схожу после работы?

– Лёнь, ты же сегодня двери обещал смазать.

– Ну, Верка! Завтра выходной, завтра и смажу.

– Ой, Лёня, ну тебя! Иди уже со своим Антонычем.

– Чмоки-чмоки!

– Ага, давай.

– И все?

– Что все?

– Ты мне больше ничего не хочешь сказать?

– Да люблю, Леня, люблю! Давай, конец связи.

На забегавшийся, утомленный город опустился вечер. Многоэтажки спальных районов глядели друг на друга, не моргая. В одной из глазниц на мягком кресле устроилась Вера. Она надела любимую пижаму – подарок сестры из Америки. Если бы не розовая расцветка и мишка с подушкой на груди, Вера носила бы пижаму даже на прогулки, вместо спортивного костюма, – такая красивая и удобная была вещь. На круглом журнальном столике стояла чашка горячего шоколада и лежал мобильный телефон. Дети после тяжелого дня уже сопели в своих

кроватьках. Через двадцать минут начнется шоу, электронный циферблат в верхнем левом углу экрана вел обратный отсчет.

«Дзы-ы-ынь! Дзы-ы-ынь!», — раздалось из коридора.

– Лёничка, ты? – спросила Вера, подойдя к двери.

– Я, я, Верка, открывай!

Дверь отворилась, впустив любимого супруга. В прихожей запахло пивом и соленой рыбой далеко не первой свежести. Быстро скинув туфли, Лёня, не глядя на жену, ринулся в комнату. Схватив пульт дистанционного управления, он начал отчаянно переключать каналы.

– Что ты делаешь, Лёня? – с ужасом спросила Вера.

– В восемь будет чемпионат Европы по футболу. Верка, наши играют!

– Но Лёня, в восемь будет шоу!

– Какое шоу, Вера? Чемпионат Европы, понимаешь? Я даже бокал живого не допил, чтобы успеть!

– Лёня, я хочу смотреть шоу, — со слезами пролепетала Вера.

– Верка, отстань! Целый день пахал, как собака, а ты мне истерики закатываешь?

– Лёня, — всхлипнула Вера, — ты меня любишь?

– Люблю. Но это – чемпионат Европы! А... отбивнушки там еще есть?

Год Нюрки

С самого утра Солнце, словно расщедрившийся король, бросало на Пустошев яркие, еще теплые лучи. Но местный барон, злюка Октябрь, знал свое дело хорошо: он уже успел ободрать все золото с деревьев, а по улицам со зловещим воем носились его вассалы Ветры.

Андрей сидел на скамье перед дворцом бракосочетания, втянув голову в воротник темно-зеленого дутика. Кончики его ушей покраснели от холода, а глаза слезились. Когда к парадному входу ЗАГСа подкатывала очередная свадебная процессия, он выпрямлялся и напряженно всматривался в выходящих из машин людей. Так продолжалось уже не менее двух часов, но Маргариты все не было.

Неделю назад один из их общих друзей сказал Андрею, что она выходит замуж. Конечно же, он не сомневался, что рано или поздно это произойдет. Но даже если знаешь заранее, что яблоко, которое ты собираешься съесть, кислое, слаще от этого оно не станет. Вот только яблоко можно выбросить и не есть, а не прийти сюда Андрей не мог.

Его отношения с Маргаритой были долгими и болезненными. Уже через полгода после знакомства девушка поняла, что избранник ее – человек добрый и мягкий, но совершенно не амбициозный и не честолюбивый. Жил он в маленькой бедно обставленной квартире, доставшейся в наследство от деда. Зарплату получал среднюю, одевался скромно, и при этом почему-то был доволен своей жизнью. Рита никак не могла понять, как можно сохранять спокойствие и равновесие, если не имеешь возможности купить себе машину, или отправиться летом в Тайланд. Какое удовольствие может приносить рыбалка на озере в маминой деревне? Чистой воды мазохизм: сидишь, как истукан, кормишь комаров. После тщетных попыток уговорить его бросить работу в научном институте, Марго стала «перебирать варианты» (это

было ее собственное выражение): время от времени, встретив кого-нибудь другого, она уходила от Андрея, но через некоторое время возвращалась. Первый «вариант», свозив Риту на Кипр, вернулся в семью. Второй, как оказалось очень скоро после знакомства, любил воспитывать своих подруг рукоприкладством. После разрыва с ним под левым глазом Марго довольно долго красовался фиолетовый синяк. Третий, иностранец, несколько месяцев достойно обеспечивал ее, но уехав, нарушил свое обещание и не выслал приглашения.

Каждый раз Андрей давал себе обещание, что не примет Марго назад, но после недели уговоров ломался. Девушка была весьма недурна собой и обладала особой женской притягательностью. Порою ему казалось, что он ненавидит ее и больше никогда не хочет видеть, но стоило встретиться, как все негативные чувства улетучивались.

Когда Андрей уже решился написать заявление на увольнение и начал искать работу в торговле (единственная сфера в Пустошеве, в которой можно было надеяться на приличный заработок), на горизонте появился четвертый «вариант». Великовозрастный и весьма крупногабаритный пустошевский бизнесмен предложил Маргарите выйти замуж.

Зачем Андрею нужно было смотреть на это, он и сам не знал. Он испытывал чувство, подобное желанию сорвать корочку на едва затянувшейся ране. Знаешь, что будет больно, что снова начнет кровоточить, но руки сами тянутся к этой ерундовине.

И что он стает делать, когда они подъедут? «Теперь твоя очередь перебирать варианты», — горько заметил он про себя. Приятнее всего было бы расквасить морду этому богатею. Глупо, но приятно. Или можно подойти и попросить ее подумать еще раз прежде, чем она сделает этот шаг. Еще глупее. Хотя, он никогда не просил ее вернуться сам, и, может быть, если сделает это впервые в жизни, то сможет чего-то добиться?

К полудню небо посерело, как старое письмо. Начинали падать первые крупные капли дождя. Андрей встал, чтобы подойти поближе к зданию ЗАГСа и ждать под выступом его крыши, как вдруг услышал тихое прерывистое мяуканье. Под скамейкой, на которой он только что сидел, лежала маленькая кошка. Животное имело очень необычный окрас: вся белая, и только одно правое ушко ярко-рыжее. Мордочка круглая, нос розовый.

— Кс-кс-кс, — позвал Андрей, протянув руку ладонью вверх. Кошка встала, и он увидел, что передняя ее лапа согнута неестественным образом. Скорее всего, она попала под машину, так как это явно был перелом. Причем, достаточно серьезный. Андрей аккуратно достал зверя из-под скамейки.

— Что, плохи твои дела, да?

Сказав это, он вдруг задумался. У него на руках сидело живое существо, которое испытывало жуткую физическую боль. Если никто не подберет эту кошку, в скором времени бедняжка погибнет. Маленькая, беспомощная. А он, здоровый мужик, сидит здесь и страдает из-за своих «сердечных дел». Была бы у тебя, Андрей, сейчас переломана нога, так не думал бы о всякой ерунде. Ему даже стало совестно за самого себя.

— Ну что, поехали к ветеринару! — объявил он кошке и осторожно спрятал ее за пазуху.

В ноябре Нюрке (так Андрей назвал своего нового питомца) сняли гипс, и она по-хозяйски расхаживала по квартире, уверенно опираясь на все четыре лапы. Каждый день она радостно встречала Андрея с работы, а когда он смотрел вечером телевизор или читал книгу, забиралась на его шею, словно лисий воротник, и нежно урчала в ухо. Парень тоже очень привязался к кошке и никогда не забывал порадовать нового друга свежей рыбой или кусочком ее любимой колбасы.

Накануне Нового года, когда Андрей готовился к приходу друзей, нарезая салаты, в квартире раздался звонок. Поспешно вытерев руки, он отворил дверь. На пороге стояла Рита.

— Ну, здравствуй! – кокетливо произнесла она. – Можно войти?

— Входи, — Андрей отступил в сторону.

— Чем обязан? – спросил он, когда Рита расположилась в комнате на диване. Выглядела она еще лучше, чем прежде. Ухоженная, дорого одетая. В лице что-то изменилось, видимо, вследствие каких-то процедур. Он не мог понять, что именно.

— Да так, решила заглянуть к тебе в гости. Как поживаешь?

— Хорошо поживаю.

— С кем Новый год будешь встречать?

— Как всегда. С Мишкой, Антоном и их женами.

Комнату наполнил запах очень стойких духов. Андрей почему-то вспомнил, как когда-то потратил ползарплаты на туалетную воду, которую преподнес Рите на день рождения, но приятный аромат парфюма не держался и часа.

— Ясно. А я вот одна. Муж улетел по делам в Бельгию. Чего-то скучно стало, так я подумала, может, встречу Новый год со старыми друзьями.

Она одернула юбку так, что в разрезе появилось бедро в черном чулке. В этот момент в комнату, мягко ступая, вошла Нюрка. Кошка подошла вплотную к незнакомке, села у ее ног и стала рассматривать женщину.

— Ой, у тебя появилась зверушка. Какая милая!

С этими словами Рита слегка приподняла ногу и потрогала морду кошки кончиком пальцев, просвечивающих сквозь черный чулок. От этого ее действия Андрею вдруг стало так гадко на душе. Ведь все эти годы она поступала с ним так, как сейчас с Нюркой. Пренебрежительно, высокомерно.

— Это домашняя кошка, ее можно гладить руками, а не копытами, — вдруг выпалил он неожиданно для себя грубым тоном. Рита резко выпрямилась. За пять лет их отношений он ни разу так не говорил с ней. Он ждал, что сейчас она взорвется и устроит истерику. Но этого не произошло.

— Извини, я не хотела обидеть твою кошку, — тихо сказала она.

— Вот и отлично. До Нового года осталось восемь часов, тебе пора идти искать старых друзей, а то придется встречать одной.

— Но я думала остаться с вами сегодня, — мягко попросила Рита.

— Прости, не получится.

Рита хотела еще что-то спросить, но Андрей уже прошел в коридор и взял в руки ее шубу.

— Ах, вот ты как, значит. Ну хорошо!

Она вырвала шубу и вышла за дверь, не одевшись. Первый раз в жизни Андрей почувствовал облегчение от ее ухода и вдруг понял, что он свободен.

Весною, в мае, случилась неприятность. Вернувшись с работы, Андрей обнаружил, что Нюрки нет в квартире. Видимо, она выбралась на улицу через форточку. Это было очень странно, так как никогда раньше она этого не делала. Напротив, опасалась выходить даже на лестничную клетку.

Весь вечер Андрей бегал по окрестностям, пытаясь разыскать ее. Когда стемнело, вернулся домой, написал несколько объявлений о пропаже, и уже ночью расклеил их по району. Дом без кошки будто опустел. Заснуть Андрею удалось только под утро, а сны он видел очень неприятные: будто плавал в глубоком грязном водоеме, которому не видно было конца.

На рассвете его разбудил треск дверного звонка. Как был, в смешных семейных трусах с розовыми полосками, он бросился

открывать, ожидая, что кто-то нашел Нюрку и принес ее домой. Так оно и было: на пороге стояла миниатюрная девушка с кошкой в руках.

— Здравствуйте, это ваша кошечка? Вот здесь, кажется, ваш адрес?

Она протянула сорванный со столба листок.

— Моя! – воскликнул Андрей. Моя! Проходите!

От радости он даже забыл, в каком виде вышел встречать утреннего гостя. Девушка замялась.

— Ох, блин! Простите меня! – Он съежился. Проходите, пожалуйста, в комнату, я сейчас оденусь мигом.

— И где же она была? – крикнул он из прихожей, поспешно натягивая спортивные штаны.

— Да прямо под столбом с вашим объявлением сидела, будто ждала, что ее там и найдут, представляете?

— Это очень необычная кошка. Как вас зовут?

— Катя.

— А меня Андрей. Вы уже завтракали? Будете чай с бутербродами?

— Можно, пожалуй.

Летом Андрей поехал в деревню, чтобы познакомить Катю с мамой. Нюрку оставили на попечение соседки, так как ей уже подходило время рожать. Видимо, не все время своего отсутствия она просидела под столбом. Зинаида Степановна очень поладила с будущей невесткой. В первый раз за долгие годы ее сердце не рвалось от того, что сын несчастен в личной жизни. Создавалось такое ощущение, что эти двое знают друг друга всю жизнь. К тому же, они оказались коллегами – оба биологи. Только Катя работала в школе.

Просматривая вечером старые альбомы с фотографиями, Катерина вдруг охнула.

— Андрей, иди сюда, быстро!

— Ты чего? Что стряслось?

— Гляди!

Она протянула пожелтевшее от времени фото, на котором была изображена еще совсем молоденькая Зинаида Степановна. На ее руках сидела маленькая кошка, как две капли воды похожая на Нюрку. Вся белая, а правое ухо рыжее.

— Я раньше не видел эту фотографию. Мам, что это за кошка?

— Это Машка. Она у нас долго жила, лет четырнадцать. Еще до твоего рождения. Хорошая была, добрая.

— Чудеса, — сказал Андрей и поцеловал мать.

В октябре сыграли свадьбу. Нюрка успешно разродилась пятью котятами. Четверо были дымчатые, а один — белый с рыжим ушком.

Сельская эротика

Не позднее середины июня каждого лета во времянку, расположенную на территории скромной приозерненской усадьбы четы Сенюшкиных, въезжали отдыхающие. Областной центр находился в полусотне километров от захудалой, но очень живописной деревеньки Приозерное и исправно снабжал ее городскими постояльцами, в основном, из числа тех, кто не мог позволить себе потертые цивилизацией красоты морских пейзажей и сомнительный сервис далеких приморских пансионатов.

Довольными, как правило, оставались обе стороны. Первым не нужно было весь год отказывать себе в мясопродуктах и прочих жизненно важных вещах, чтобы накопить на поездку в теплые, но очень далекие края. К тому же, чудесное озеро, обнимавшее деревню подковой, успешно замещало бурлящие соленые просторы, в которых нельзя было поймать ни сомика, ни щуренка. Приозерненский загар ровным слоем ложился на тела отдыхающих, освобожденных от необходимости натягивать свой легко расползающийся по швам отпускной бюджет на непомерные курортные цены и от того спокойных и умиротворенных. Тот факт, что удобства по старой доброй традиции размещались во дворе, иногда даже в соседском, никогда не пугал постсоветского туриста. В этом была своя, ностальгическая романтика. Для жителей деревни сдача в аренду аккуратных сарайчиков, которые высокомерно именовались «времянками», было неплохим подспорьем.

В первый летний день Валентин и Зинаида Сенюшкины начинали сложный ритуал подготовки своего «пансионата» к приему отдыхающих. Коробки, инструменты, ветошь – все это уносилось в сырой подвал или затаскивалось на чердак, чтобы в конце курортного сезона вновь вернуться в «гостиничный номер». Зинаида выметала сор,

вытирала пыль, мыла полы и окна; Валентин белил, красил и подправлял все, что можно было побелить, покрасить и подправить. За этим следовал монтаж двух панцирных кроватей, в своем бессмертии способных дать фору любому Кащею, и расстиланье ковровых дорожек в разноцветную полоску. Громкий вздох облегчения, который оба супруга издавали всегда одновременно и не сговариваясь, символизировал окончание священнодействия. Теперь оставалось лишь дожидаться клиентов.

За реализацию путевок в семейную «мини-гостиницу» Сенюшкиных отвечала их дочь, Антонина, студентка третьего курса пищевого техникума. Тоня не подводила родителей и исправно получала свою долю от доходов предприятия, которую имела право не вкладывать в семейный бюджет. Каждый год после окончания сезона она щедро пополняла свою грандиозную коллекцию дешевой бижутерии гроздьями и кольцами новых сережек, браслетов, кулонов и коле самых разных цветов и размеров. Комната общежития, в которой Сенюшкина-младшая жила в течение учебного года, из-за обилия пестрых украшений всегда имела праздничный рождественский вид. Однокурсницы ходили сюда, как на экскурсию. Экспонаты было дозволено трогать руками, но не одевать.

– Ну дай мне вот эти бусики на свиданку, пожалуйста, – просила иногда какая-нибудь из Тониных подруг.

– Не могу.

– Ну почему? Я сразу же верну!

– Все вещи обладают энергией хозяина. Если наденет кто-то другой, энергия испортится, – с трудом выдавливала из себя Тоня подобие фразы, которую как-то слышала по телевизору.

Подруг у нее было не много. Но девушку это не очень печалило.

Однажды очередным жарким летом в сарайчик Сенюшкиных заселились три очень миленькие девушки-студентки, которых Тоня

обнаружила на факультете бродильного производства и виноделия. Услышав название специальности, мать, Зинаида, поначалу воспротивилась потенциальным клиентам.

– Небось выпивохи какие? – поинтересовалась она у дочери.

– Ты, мать, что, дура? Сейчас на всех факультетах выпивохи есть. Не выдумывай!

Как и пообещала Тоня, никакого беспокойства чете Сенюшкиных девушки не доставляли. Почти все время они проводили на природе, гуляя по окрестностям с ровесниками, местными и отдыхающими.

– Хорошие девочки, – печально произнесла Зинаида, провожая взглядом хрупкие фигурки, тянущие турецкие клетчатые сумки к автобусной остановке, когда к Приозерному уже начал подбираться сентябрь.

– Хорошие, – согласился Валентин, не отрывая взгляда от экрана громоздкого «Фотона», который в теплое время года выносили на улицу под навес, чтобы дышать свежим воздухом во время просмотра. Кроме того, он выполнял роль летнего кинотеатра для постояльцев.

– Я такая, чтобы они хоть весь год жили. Тихие. Никакого беспокойства, – продолжала Сенюшкина.

– Никакого, – снова согласился Валентин и громко поскреб щетинистый подбородок.

– Все в свой хутбол чертов пялишься? Сходил бы лучше воды наносил.

Сенюшкин покорно вздохнул и отправился выполнять задние жены. Зинаида сняла засаленный фартук и пошла в сарайчик осмотреться после отъезда клиентов.

Времянка была непривычно пуста, и только обнаглевшие к августу мухи рассекали спертый воздух и садились на низкий потолок. Остановившись посередине комнаты, Зинаида по-хозяйски осмотрелась. Может быть, девицы чего забыли? Иногда отдыхающие оставляют после

себя любопытнейшие вещи, которые вполне могут пригодиться в хозяйстве.

На первый взгляд, ничего особенного в комнате не было. Но вдруг уже было разочарованная женщина заметила что-то разноцветное под маленькой тумбочкой. С трудом изогнув массивное тело, Сенюшкина наклонилась и взяла в руки пластиковую баночку, наполненную прозрачной студенистой массой. На ярко-синей этикетке красовалась желтая надпись:

LUBRICANT

– Крэм какой, что ли? – спросила она вслух сама себя. – Импортный. Дорогой, наверное.

Зинаида сильно напрягла практически неиспользуемую часть памяти, которая когда-то отвечала за багаж школьных знаний и хранила в себе обрывки латинского алфавита. Наморщив лоб и выпучив глаза от умственного напряжения, она громко прочла по слогам:

– Лу-бри-кант!

Слово коротким эхом разнеслось по пустой комнате, и Зинаида вслушалась в его звучание.

– Лубрикант, – снова повторила она. – Ишь ты!

Женщина еще раз, со всех сторон осмотрела баночку, недоуменно хмыкнула и сделала категорический вывод:

– Для лица. Точно.

Громко звеня длинными серьгами, выполненными в стиле веток рябины, Тоня властно отворила калитку и ступила на тропинку, тщательно очищенную от палой листвы и куриного помета к ее приезду.

– Мама, папа, знакомьтесь, – сказала Антонина, – это Николай.

– Можно просто Коля.

Сенюшкины с недоумением смотрели на молодого человека. Рядом с Антониной, сочетавшей в себе мощную отцовскую статью и

унаследованную от матери грудь, размером в два баскетбольных мяча, Николай смотрелся, примерно, как самец рыбы-удильщика рядом со своей самкой. Маленький, тощий, в мешковатом пиджаке и коротких брюках над потертыми кедами, он кренился вправо под весом большой спортивной сумки, ремень которой жестоко врезался в костлявое плечо. Коля с сомнением взглянул на ручищу Валентина Сенюшкина, протянул ладонь для рукопожатия, а в следующую секунду сдавленно хрюкнул и побледнел. Отпущенная на свободу маленькая кисть затрепыхалась в воздухе. Зинаида попыталась загладить неловкость и заключила юношу в гостеприимные объятия.

– Очень приятно, – на городской манер произнесла она.

Визит дочери всегда был радостью для Зинаиды, а известие о том, что Тоня приедет с кавалером, повергло женщину в деятельный восторг. Два дня Сенюшкина готовила, прибирала дом и участок. Угрожая физической расправой, она заставила Валентина побриться, а утром обрядила мужа в новую рубашку, голубую с темно-синими полосками. Зинаида договорилась с Тамарой, продавщицей единственного в Приозерном магазина, и та раздобыла две банки качественной красной икры, за которыми пришлось идти после закрытия, дабы не возбуждать подозрений соседей.

Сияющая Сенюшкина, облаченная в цветастое новое платье, делавшее ее еще более необъятной, радушно улыбнулась и пригласила всех за накрытый на веранде стол. Там уже томилась в ожидании кастрюля щей, по габаритам больше напоминавшая бочку, рядом с которой вулканическим столбом поднимался пар от огромного блюда с вареной картошкой, окруженного тазами салатов. Повсюду стояли тарелки с разнообразными соленьями и маринадами. Тут же, в специальной посуде, покоились тела трех куриц, запеченных в духовке. В центре стола гордо вздымала тонкое горло внушительная, запотевшая

бутыль белесого самогона, вокруг которой водили хоровод бутерброды с икрой.

При виде всего этого великолепия, лоб Николая покрылся испариной.

– Извините, – проблеял он, – у меня панкреатит.

– Отец – учитель, мать – инженер, – сказала Антонина в ответ на недоуменные взгляды родителей. – Умный.

– Интеллигент, – понимающе кивнула Зинаида. – А я-то подумала, что там у него за панкре итить!

Во время обеда она не спускала глаз с дочери. «Какая Тонька стала, – думала Зинаида. – Взрослая совсем. И ухажера себе нашла городского. Интеллигента».

– А ты, мать, молодец, – прочавкала Антонина, терзавшая уже третий кусок курицы. – Все хорошеешь. Мне б в твои годы так выглядеть.

– Так, а чего ж не выглядеть? – кокетливо согласилась Зинаида. – Мы тут, хоть и деревенские, а от времени не отстаем. В курсе последних достижений этой... космологии...

– Космологии? – не поняла Тоня.

– Косметологии, наверное, – робко поправил Николай.

– Ага, ее, – кивнула Зинаида. – Знаем, как не стареть-то.

– О как? – удивилась Антонина.

– А то! – Зинаида состроила серьезное лицо. – Думаешь, только вы, городские, все знаете? Дудки! Мы тоже лубрикантом пользуемся.

При этих словах вилка выскользнула из рук Николая и упала в тарелку с громким звоном.

– Чем ты пользуешься? – спросила Антонина.

– Лубрикантом, – повторила Сенюшкина-старшая. – А ты не знаешь? Крэм такой. Пользуюсь утром и вечером, каждый день.

– Я всегда хотел жить в деревне, – сказал вдруг Николай, ни к кому не обращаясь. – Чистый воздух, натуральная пища... здоровье, долголетие...

– И как? – Тоня внимательно смотрела на мать. – Помогает лубрикант-то?

– Спрашиваешь! – фыркнула та. – Еще как помогает! И от морщин, и от мешков... от всего! На прошлой неделе, вон, деду Харитону дали чуток.

– Ему-то на кой?

– Дык, он там себе смазал, – терпеливо пояснила Зинаида. – Теперь, когда ходит, не скрипит.

– Что у него не скрипит? – с подозрительным ужасом спросил Николай.

– Да протез, – отмахнулась Сенюшкина-старшая. – Ноги у него нету. Николай кивнул и продолжил есть, время от времени испуганно поглядывая на Зинаиду.

– Одно плохо – ни хрена не впитывается, зараза... Смыть приходится.

Под пристальным взглядом Тони, Зинаида подошла к серванту и достала баночку, на дне которой оставалось совсем немного прозрачного геля. Взяв немного на палец, Сенюшкина-старшая принялась наносить его на лицо движениями, подсмотренными в рекламном ролике. В тот же миг Николай подавился и закашлялся, но, после быстрого удара локтя Антонины, сдавленно захрипел и умолк.

Зинаиде не спалось. Она лежала на широкой кровати одна – Валентин, прихватив три старых керосиновых фонаря, уехал на озеро, пообещав утром угостить всех раками. В открытое окно спальни вползали звуки августовской ночи: далекий лай собак, стрекотание сверчков, еле слышная возня ветерка в кронах деревьев.

В комнате напротив родительской спала Антонина. Вечером, когда пришла пора устраиваться на ночлег, Сенюшкина-старшая категорически воспротивилась желанию дочери спать в одной постели с будущим мужем.

– До свадьбы, – грозно глядя на Николая, сказала она, – ни-ни!

Юноша, мучимый обострившимся от обильных кушаний панкреатитом, истерзанный ласковыми тычками, щипками и шлепками будущих жены и тещи, кивнул покорно и даже с облегчением. Антонина начала было возмущаться, но, взглянув на грозно насупившуюся мать, умолкла. Николая разместили в «пансионате», Зинаида сама проследила, чтобы молодой человек поселился с максимальным комфортом.

Перед тем, как улечься в кровать, она заглянула к дочери. Тоня, одетая в длинную ситцевую ночную рубашку, доставала вещи из спортивной сумки и аккуратно раскладывала по полкам.

– Ох, умаялась, – выдохнула Зинаида и уселась на край отчаянно взвизгнувшей панцирной кровати.

– Да, накормила ты нас, мамка, знатно, – сказала Тоня и, словно в подтверждение своих слов громко икнула. – Спасибо.

– На здоровьичко. Ты, Тонька, молодец. Мальчика хорошего нашла. Тихий, скромный. Тощий, правда, совсем как сосед наш, Егор, после развода. Ну да это ничего, откормим.

– Откормим, – согласилась Антонина и снова икнула.

– Целовались уже? – резко сменила тему Зинаида.

– Ну ма, – промычала Тоня.

– Смотри, – тихим, наставительным голосом сказала Сенюшкина-старшая, – пока не женится, до себя его не подпускай. А то знаем мы их, кобелей городских-то. Попользуется и бросит. Будешь потом дите сама растить. Поняла?

– Поняла, – кивнула Антонина, ставя опустевшую сумку под стол.

– Смотри мне, – с этими словами Зинаида встала и вышла из комнаты.

На самом деле, она очень радовалась за дочь. В ожидании запаздывающего сна, Зинаида думала о том, как хорошо все получилось у Тоньки. Хоть мелкий, но все ж мужик. Интеллигент. Рожа, правда, страшная, но это и хорошо – по бабам таскаться не будет...

Поток приятных мыслей поднял Зинаиду на ноги и повлек на улицу. Хотелось вдохнуть полной грудью. Но, выйдя на порог, женщина вдруг увидела едва различимую согнувшуюся в три погибели темную фигуру, крадущуюся к дому по капустной грядке. Зинаида испугалась, но быстро взяла себя в руки. Отступив за угол, она ухватила наперевес остро отточенную лопату и, с неожиданной для своих габаритов бесшумностью, подкралась ближе ко входу в огород. Сенюшкина-старшая старалась не шуметь, но все же таинственный злодей учуял ее появление. Силуэт злоумышленника вздрогнул и распрямился.

– Коля? – узнала будущего зятя Зинаида. – Ты что тут делаешь? Чего не спишь-то?

– Да... э... я... да... – протянул Николай и замялся было, но внезапно рассмеялся, – хотел вам сюрприз сделать, Зинаида Васильевна.

– Это какой? – подозрительно спросила женщина, легким движением загнав лопату в землю по черенок.

Коля опустил руку в карман и протянул ей пластиковую баночку.

– Вот, – сказал он. – Хотел оставить у дверей вашей комнаты, чтобы утром нашли. В благодарность за гостеприимство...

В неверном лунном свете Зинаида рассмотрела на этикетке слово «Lubricant» и нарисованную рядом клубничку.

– Ишь ты, – сказала она смягчившимся голосом, – ягодка.

– Он ароматизированный, – с готовностью пояснил Николай. – Клубникой пахнет.

– Аромазированный, – Зинаида опустила руку с баночкой. – Я клубнику люблю. Спасибо. Ты, Коля, шел бы спать. Чего комаров кормить?

– Да, я пойду, – грустно согласился Николай. – Спокойной ночи, Зинаида Васильевна.

– Спокойной, Коленька, – сказала Сенюшкина-старшая, развернулась и пошла к дому.

«А ведь и вправду хороший парень, – думала она, засыпая. – Заботливый, внимательный. Ишь, сюрприз придумал... откормим... ничего».

Утром, когда Николай и Антонина пришли завтракать, Зинаида с улыбкой хлопотала у стола.

– Доброе утро, дети, – сказала она, повернув к ним блестящее лицо. – Садитесь, все на столе.

– Мам, чего это от тебя клубникой пахнет? – спросила Тоня, втянув носом воздух.

– А это Коля мне ночью сюрприз сделал, – радостно сообщила Зинаида. – Лубрикант новый подарил. Аромазированный. Целую банку.

– Коля? Ночью? Тебе? – Антонина, сдвинула брови и перевела взгляд с матери на жениха, который тут же подавился тушеной капустой, покраснел и закашлялся.

– Да, – ответила Зинаида. – А что? Я что – страшная такая, что мне нельзя ночью сюрприз устроить?

Тоня не ответила, вонзая вилку в кусок кровяной колбасы. Николай проследил за этим движением, и в его глазах возникло выражение смертной тоски.

– Ой, да что ж это я? – спохватилась вдруг Зинаида. – Пойду вам компотику холодного принесу.

Она вышла из комнаты и замерла за дверью, прислушиваясь.

– Так вот ты что удумал, – донесся до нее тихий голос дочери. – Я не сплю, жду, а ты... Мамку мою, значит, огулять хотел?

– Тоня, пожалуйста, только не волнуйся, – быстро и сбивчиво заговорил Николай. – Я перепутал...

– Я т-тебе перепутаю, – угрожающе сказала Антонина. – Знаю я вас, кобелей городских. Только одно на уме...

– Тоня, не надо, я все объяс... ай!

За возгласом последовало шипение человека, борющегося с сильной болью.

– Смотри мне, – сказала Антонина, – еще раз такое вытворишь – все отцу скажу. Понял?

Зинаида улыбнулась и пошла в кухню. «Молодец, Тонька, – с материнской гордостью думала она, наполняя компотом две поллитровые кружки. – И парня хорошего отхватила, и спуску не дает. Правильно! Будет знать, как по ночам в окна к честным девушкам лазить да сюрпризы устраивать, кобелина».

Когда она вернулась в столовую, Антонина хищно терзала очередной ломоть колбасы. Николай вяло ковырялся в тарелке, шмыгая время от времени носом. Его левое ухо побагровело, вспухло и торчало в сторону.

«Да и я молодец. Вона, какую дочку вырастила, – подумала Зинаида и с любовью взглянула на свое дитяtko. Потом перевела взгляд на будущего зятя, – ничего, откормим».

Имена

Какое мужское или женское имя вы любите больше всего? Свое? Это вряд ли. Люди, которым нравятся собственные имена, встречаются редко. Наталья хотела бы, чтобы ее звали Анна, Анна жалеет, что она – не Елена, Елена же и вовсе сторонница более нетрадиционных имен и не отказалась бы называться Эмилией или Виталией. Почему? Возможно, дело в том, что собственное имя мы слышим так часто, что оно нам изрядно надоедает. Или по той же причине, по которой малыш, которому купили красную машинку, пытается отобрать точно такую же, но зеленую у своего товарища по детской площадке. Чужое ведь всегда лучше, что бы это ни было – игрушечная машинка, талия, сумочка или имя.

Некоторые предприимчивые народы решают проблему с выбором имени очень легко: они просто дают младенцу сразу несколько имен. На простой вопрос: «Как вас зовут?» вы вполне можете услышать непростой ответ: Анна-Мария-Сильвия-Гретта Брайн. Во как! Столько имен, и все свои, собственные. Сегодня наденешь одно, завтра – другое.

Но как же, в таком случае, быть с древним поверием, по которому человеческое имя теснейшим образом связано с душой и очень часто определяет характер человека? Если у тебя не одно, а целых три или четыре имени, получается полная неразбериха, просто «многодушие» какое-то.

Не исключено, что предки глубоко заблуждались и имя есть только лишь знак, по сути такой же, как надпись «Без ГМО» на банке зеленого горошка.

Нет! Быть этого не может. Гадкое сравнение: где человек и где какие-то там ГМО? И как же быть со всеми любвеобильными Любами, благородными Евгениями, воинственными Александрями и Викторами,

никогда не перестающими ждать Надеждами и влюбленными в море Маринами? Все эти замечательные люди доказывают: имя – не размер, оно имеет огромное значение.

Есть, однако, на моей памяти случай, который напрочь опровергает все существующие поверия и записывает их в разряд иллюзий.

Несколько лет назад мне довелось работать с одной молодой особой по имени Ангелина. Внешне девушка была не слишком примечательна: низкий рост, нескладное тело, темно-русые, слегка вьющиеся волосы и водянисто-серые глаза.

Работала Геля старательно, целый день не отрывая своих рыбьих глаз от монитора. От избытка ли трудолюбия, или же от того, что не хотела много общаться с сотрудниками – никто не задумывался. Ее труд был результативен, а что еще нужно от работника?

Примерно через месяц после оформления Ангелины на работу в нашем отделе начали происходить всяческие неприятности. Сначала у бухгалтера Маши случился выкидыш, причем, в тот же день, когда она сообщила о своей беременности на работе. Через неделю после этого несчастливого происшествия от нашей начальницы Елены Григорьевны ушел муж. Все были шокированы этим обстоятельством. Еще в пятницу Елена Григорьевна рассказывала о том, как ей повезло с супругом, а уже в воскресенье благоверный собрал чемодан и отбыл в неизвестном направлении. Супервайзер Лёнчик разбил новенькую машину, ради приобретения которой влез в многолетнее кредитное рабство. Некоторые сотрудники без конца болели и назначали свидания терапевтам. У одной только Гели совершенно ничего не происходило. Она молча слушала жалобные разговоры сотрудников, лишь иногда поворачивая голову от компьютера и окидывая говорящих бесцветным взглядом.

Из-за бесконечного потока неприятностей атмосфера на работе ухудшилась. Если у кого-то случались в жизни радостные моменты, об

этом предпочитали не говорить, дабы не сглазить. Тему семьи и заработной платы закрыли и вовсе, от греха подальше. Общая производительность отдела катастрофически упала.

На новогоднем корпоративе, следуя ежегодной традиции, директор фирмы объявлял лучшего работника по результатам прошедшего года. Пестрая повеселевшая толпа с нетерпением ждала, кому же достанется заветная путевка в Египет на двоих человек. Работники фирмы весело перешептывались, делая предположения о том, кто станет победителем: шикарная секретарша директора или его племянница из отдела дистрибуции.

— Итак, кто же в этом году был самым лучшим сотрудником, и через неделю уже будет соблазнять отдыхающих на египетском побережье? — орал в микрофон полупьяный Филипп Вячеславович.

Он уже начал открывать конверт, когда я услышала за спиной сдавленный знакомый голос.

— Опять какая-нибудь жополизка на халяву поедет в Египет покататься. Чтоб она себе ноги переломала...

Ядовитая злоба, с которой была сказана эта фраза, заставила меня вздрогнуть. Я резко обернулась. За моим правым плечом стояла Геля. Ее было трудно узнать. Лицо казалось старше лет на десять, глубокие морщины избороздили нахмуренный лоб, а в глазах была какая-то болезненная сосредоточенность.

Поняв, что я услышала ее слова, она вдруг криво улыбнулась и снова приняла равнодушный вид.

— И я уже готов объявить счастливчика! Вернее, на этот раз — счастливицу, — кричал голос со сцены. — Это — Ангелина Сквородникова!

В зале зааплодировали. Геля оторопело осматривалась по сторонам, не понимая, что происходит...

Никому в отделе я не рассказала о подробностях того вечера, но каково же было мое удивление, когда через три дня мы узнали, что в следующее после корпоратива воскресенье Ангелина упала в плохо закрытый люк и переломала обе ноги. Ее путевкой воспользовалась племянница директора.

Так как на фирме ценят «результативность», а курс реабилитации длился больше двух месяцев, Гелю уволили. На ее место взяли девушку по имени Ирина.

Вы, часом, не знаете, имя «Ирина» что-нибудь обозначает? Я не знаю и знать не хочу. От греха подальше.

Мечты, мечты...

– Ну, все, Сереня, дело сделано. Теперь и расслабиться не грех.

Антон Семенов развалился в кожаном кресле и широко расставил несуразные длинные ноги. Сергей глядел на его худощавую фигуру, довольно улыбаясь.

– Закурим?– предложил он и достал пачку Davidoff.

Коллега подался вперед и вынул сигарету.

– Ты просто бог переговоров. Как все удачно провернул. Я уже перестал надеяться на эту сделку, а ты... просто зверь. Снимаю шляпу, Серега.

– Да ладно тебе! Просто повезло, – Сергей стряхнул пепел в лоно мраморной пепельницы. Его мужественное лицо с правильными чертами выражало спокойствие и удовлетворение. Сегодня ему удалось устроить сделку, которую руководство не могло заключить в течение нескольких месяцев. Это открывало невероятные перспективы, как для фирмы, так и для самого Сергея Яковлева, пока что директора филиала. Ответственный и знающий работник, теперь Сергей мог рассчитывать не только на значительные бонусы, но и на повышение по службе.

– Пацаны уже договорились в боулинге на вечер, потом рванем в сауну, отпразднуем, как полагается.

Сергей кивнул и откинулся на спинку мягкого стула.

Терпкий сигаретный дым медленно поднимался под потолок кабинета. Утомившись от пьянящих мыслей о сегодняшнем успехе, Сергей стал думать о жене. Брак с Верой был вторым достижением в его жизни, не менее важным и ярким, чем карьерный рост. Они поженились полтора года назад, после недельного знакомства. Но Сергей до сих пор любил и хотел Веру так же сильно, как в первые дни

их встреч. Забыв о присутствии приятеля, он погрузился в мысли о том, как придет домой вечером. Вера обязательно приготовит что-то особенное. Он уже видел, как она сидит напротив за кухонным столиком, ее мягкие светлые волосы вьются вокруг смуглого красивого лица, а шелковый халатик едва прикрывает соблазнительное нежное тело. Ее взгляд, живой и, в то же время, томный и зовущий будет обнимать его...

От этих мыслей Сергея бросило в жар, и он резко выпрямился.

– Слушай, давайте, наверное, без меня, – сказал он, твердо глядя на коллегу.

– Да ты че? Как же без тебя? Опять съезжаешь?

– Я забыл. Нас с Верой пригласили на день рождения. К ее родителям, – соврал Сергей. – Сам понимаешь, теща, это тебе не шутки!

– Ты, блин, как всегда. Ну и черт с тобой, – обиженный Антон поднялся и затушил сигарету. – Бывай! Теще привет.

Они обменялись рукопожатием, и Антон вышел из кабинета.

Сергей взял в руки мобильный, но потом решил сделать Вере сюрприз. Сегодня он может уйти пораньше и порадовать жену букетом цветов и бутылкой дорогого вина...

Допечатав строку, Вениамин Левкин снял очки и потер глаза кончиками указательных пальцев. Неделю назад вышел в публикацию первый любовный роман Вениного сочинения. Дебют, несомненно, удался: все восторгались автором и его мастерством. Его жена – успешная бизнес-леди – сразу же организовала пресс-конференцию, и даже наняла стилиста, придавшего Вениамину гламурный вид.

Теперь не было сомнений: его призвание – писательский труд. К своим тридцати годам Левкин перепробовал несметное количество занятий. Он работал консультантом, торговым представителем,

учителем, оператором, администратором, но ни на одном месте Веня не задерживался надолго. Где-то его незаслуженно обижали, кто-то не оценивал по достоинству. Некоторые места и вовсе могли повредить здоровью. Алиса, на которой Веня женился еще в университете, не настаивала на том, чтобы муж нашел постоянную работу. К двадцати восьми годам она добилась значительной должности в одной из столичных фирм, а к тридцати уже имела свой бизнес на периферии. Веня же, отчаявшись найти достойное место, стал сидеть дома и время от времени пописывать рассказы.

Как-то раз, когда у Алисы выдался выходной, Левкин рискнул прочитать ей одно из своих творений. Как это ни странно, Алисе рассказ понравился.

– Слушай, Левкин, – сказала она, – а ты забацай роман, слабо?

– Ну, я не знаю, – засомневался Веня. – Ты думаешь, у меня получится?

– Думаю, не получится. Но ты попробуй, – ободрила Алиса.

– А если все-таки получится? – обиделся Левкин.

– Тогда подумаем, что с тобой делать. Сообрази ужин, Веня.

Левкин поплелся на кухню, оборудованную по последним стандартам. Взбивая омлет, он строил самые дерзкие планы по поводу будущей работы.

Через год творческих мучений в руки жены была передана рукопись. Роман вышел недурной и Алиса устроила его публикацию.

– Ну, Венчик, наконец-то твоя задница высидела ценное яйцо, – она довольно похлопала мужа по плечу.

Левкин обижался на резкую женщину, но любил и боялся ее без меры. Потому никогда не возражал.

У него уже возникла идея для следующей книги, но необходимо было передохнуть, и поэтому он снова баловался рассказами.

Напольные часы в гостиной пробили десять. Алиса предупреждала, что из-за важных переговоров она задержится допоздна. Веня встал из-за клавиатуры. Походив взад-вперед по комнате, он почувствовал сквозняк и закрыл фрамугу. Огромное настенное зеркало отражало сутулую фигурку писателя. Волосы на висках начинали седесть, большой нос выделялся на бледном лице. «Почки», – подумал Веня, вглядываясь в свое отражение. Рост автора составлял не больше метра шестидесяти, и пышнотелая Алиса была на целую голову выше мужа. И шире его почти в два раза! Вениамин трепетал перед большими грудями и огромными круглыми ягодицами жены. Тогда, в университете, ее формы явились главной причиной Вениной любви.

В половине одиннадцатого Левкин решился позвонить жене. Обычно она запрещала беспокоить ее во время работы.

«Но сколько можно работать? – думал Веня. – Ночь на дворе».

Он открыл бар, достал бутылку дорогого коньяка и налил полный бокал. Сейчас выпьет и сразу же ей позвонит. Веня уже поднес тонкое стекло к губам, но тут подумал: «Печень». И вновь поставил бокал на резной комод.

После нескольких гудков на экране появилась надпись: «Нет ответа». Веня вздохнул и вновь сел за клавиатуру:

Предупредив о раннем уходе, Сергей вышел из офиса. Ярко светило солнце, и город пульсировал деловой жизнью. Дав первую попавшуюся купюру сидящему на обочине бродяге, Сергей сел в черный автомобиль и отправился за покупками. Он не предупредил жену о раннем возвращении и поэтому решил сам позаботиться об ужине. Курица гриль, грибной салат, фрукты, пирожные были аккуратно уложены в пакеты любезными девушками. Вера обожала носить яркие украшения, поэтому перед выходом из центра Сергей зашел в магазин

элитной бижутерии и купил кольцо с янтарем. Он предвкушал, как красиво украшение будет лежать на тонких ключицах жены.

По дороге домой Сергей невольно улыбался. Жизнь складывалась наилучшим образом. Он прекрасно выглядел, занимал хорошую должность с перспективами, неплохо зарабатывал и был женат на красивейшей и сексуальной женщине. Чего еще можно желать?

Подойдя к входной двери, Сергей прерывисто позвонил три раза. Никто не открывал. Ах, черт! Сергей вдруг вспомнил, что по пятницам Вера посещает бассейн. Он поставил на пол пакеты и полез в карман за ключами...

Минут десять Веня тараторил на набранный текст. В углу ноутбука электронные часы показывали пять минут двенадцатого. Левкин встал и снова начал прохаживаться по ворсистому ковру. Он, конечно, все понимает, работа, переговоры. Алисе нужно кормить семью. Но неужели нельзя улаживать дела в приличное время? И разве она не знает, как губительно для него переживать за нее? Опять может обостриться неврастения и тогда он едва ли напишет новый роман или вообще что-нибудь.

Он снова взял в руки трубку и набрал номер жены. На этот раз результат был успешен.

– Да, Веня? – услышал он знакомый звонкий голос. – Что ты хотел?

– Лисонька, когда ты будешь? Я же волнуюсь, – заныл Веня.

– Слушай, Левкин! Как только, так сразу. Я работаю, понял?

На заднем плане Вениамин услышал сдавленный мужской смешок.

– Кто это там, Лиса?

– Левкин! – рявкнула жена. – Не мешай мне, я занята, ясно?

– Ясно, – Веня отключился.

Швырнув телефон на велюровое покрытие дивана, Левкин быстро подошел к комоду и, сильно зажмурившись, осушил бокал.

Так разговаривать с ним, знаменитым писателем, да как она смеет! Женщина! И с кем она там? Левкин метался по комнате и ожесточенно грыз ногти. Через пятнадцать минут он снова уселся за компьютер:

Когда Сергей повернул ключ в замочной скважине, он услышал странные звуки – будто в квартире кто-то быстро бегал. Распахнув дверь, он быстро вошел внутрь и, не разуваясь, прошел в комнату.

То, что увидел Сергей, не могло присниться ему и в страшном сне. В углу комнаты стоял полуголый мужчина и судорожно застегивал ширинку. На краю дивана сидела обнаженная Вера. Она опустила голову, понимая, что нет смысла суетиться – все открылось. Мужчина увидел Сергея и застыл с глупым выражением на лице.

– Здравствуй, Вера, – глухо сказал Сергей.

Вера подняла бледное лицо и посмотрела на мужа. Вдруг она сорвалась с дивана и бросилась ему в ноги.

– Сережа, прости меня, я люблю тебя, Сереженька.

– Уходи, Вера, – едва сдерживаясь, процедил Сергей.

– Но Сережа!

– Собирай вещи и уходи.

Вера, всхлипывая, поплелась в спальню.

Мужчина уже успел одеться за время их короткого диалога. Он медленно пятился к двери, но остановился, встретив каменный взгляд Сергея.

– Вы остаетесь, – так же тихо и спокойно сказал Яковлев.

– В смысле? – недоуменно спросил он.

– В прямом. Вера, у тебя еще пять минут для того, чтобы выйти из этой двери.

Дрожащими руками женщина засовывала одежду в спортивную сумку.

– Я позвоню в милицию! – заистерила Вера.

Сергей повернул к жене искаженное от злости и страдания лицо.

– Уходи, сейчас же, – сказал он изменившимся голосом.

Прижав к себе растянутую сумку, Вера попятилась в коридор и вышла за дверь.

– Что вы хотите от меня? – вызывающе спросил мужчина.

– Я хочу, чтобы ты умер, – ответил Сергей и злое улыбка...

Сердце Вени громко билось и от волнения он стал делать опечатки. Опять тахикардия. Что за проклятье! Поднимется давление, а ей и не дозвонишься. И кто это там смеялся?

Ну, погодите! Вот подпишу контракт на пятикнижие, покажу вам, как надо мной смеяться!

За окном послышался звук подъезжающего автомобиля. Левкин вскочил, подбежал к окну и прильнул к стеклу. Большой нос мешал, но Венья рассмотрел джип жены. Из-за руля вышел водитель Славик и закурил сигарету. Левкин рванул к столу, схватил очки и снова вернулся к окну.

На заднем сидении сидела Алиса. Ее старательно тискал Алексей Зубкин, партнер по бизнесу.

По тщедушному телу Левкина словно прошел разряд тока. Он отпрянул от окна, быстро влез в комнатные тапочки и бросился во двор. Резко распахнув дверь, он быстро пошлепал по тропинке к двери джипа, из которой уже выходила Алиса.

– О! Левкин! Ты че не спишь? – еле выговорила она, и на Веню пахнуло перегаром.

– Алиса! Я все видел! – заговорил Левкин голосом, срывающимся на плач.

– Что? – удивленно спросила жена.

– Он тебя... он тебя... – Левкин не мог совладать с собой.

– Да. Он меня инвестирует, Левкин, что ты пристал. Пошли спать! – Алиса взяла Веню за руку и повлекла в дом. Он не сопротивлялся.

– Лиса, ты меня не любишь, как ты можешь?

– Люблю, Левкин. И люблю, и могу, и все, что хочешь. Пошли, потрешь мне спинку.

Через двадцать минут Вениамин бережно протирал мочалкой круглые бока жены.

– Чего-нибудь написал сегодня? – спросила она.

– Да нет, сегодня ничего, – неуверенно ответил Левкин.

Калека

*«...Мне верить хочется, что чистый этот пламень,
Который в глубине её горит,
Всю боль свою один переболит
И перетопит самый тяжкий камень!
И пусть черты её нехороши
И нечем ей прельстить воображенье, —
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом её движенье.
А если это так, то что есть красота
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?»
Н. Заболоцкий «Некрасивая девочка»*

Столичный город, утомленный суетой долгого будничного дня, с радостным облегчением впускал в себя густые неоновые сумерки. Маленькие улочки-старушки, затянутые в потертые рединготы домов, широкоплечие бульвары и просторные площади наполнялись глубокой синевой, словно огромный невидимый кондитер заливал причудливые формочки вязким желе. Наступал тот короткий момент, когда день и ночь, минуя друг друга в одном из киевских переулков, встречаются взглядом и на мгновение вода в Днепре превращается в молоко.

Леше нестерпимо хотелось наклониться и зачерпнуть ладонями парную воду. Но он сдерживал себя. Что, если берег в такой сказочный момент вдруг окажется кисельным, как в сказке? Лучше отодвинуться немного дальше от кромки воды. Было бы совершенно глупо

соскользнуть с гладкого кисельного берега и утонуть после такого удачного дня.

Сегодня свершилась Лешина заветная мечта. Под самый конец рабочего дня, когда он уже собирался покидать Андреевский спуск, к нему подошли трое иностранных туристов. Шумная компания долго рассматривала Лешкины пейзажи, обмениваясь мнениями на каком-то странном наречии. Парень прислушивался к звукам то ли французской, то ли арабской речи, старательно пытаясь понять, какое впечатление произвели на обсуждавших его фотографии. Наконец, смуглая женщина в пестром пончо обратилась к нему: «Мы брать три киевский картинка. Вот этот, этот и тот. How much?»

Вместе с деньгами, вырученными за проданные фото, у Алексея теперь накопилась достаточная сумма, чтобы приобрести новое оборудование для его ремесла. Профессиональная камера, освещение, экраны и его врожденный талант к запечатлению жизни – вот все, что нужно для создания собственной фотостудии, о которой он мечтал с детства. Клиенты и ранее всегда оставались довольны портретами, которые Леша чудом умудрялся выполнять на стареньком отцовском «Зените». Теперь же качество его работы значительно улучшится, а это значит, что маме больше не придется мыть полы в трех организациях, расположенных в разных частях города. Он уже все продумал. Елизавета Степановна станет ассистентом в маленькой студии, которую они оборудуют в третьей комнате их небольшой квартиры. Она будет встречать клиентов, как настоящий секретарь, занимать их приятными разговорами и поить чаем, пока Алексей не выставит освещение и декорации. Он не сомневался, что с этой задачей мама с легкостью справится. До пенсии она работала преподавателем русской литературы. Ее доброжелательность и красивая речь располагали к ней самых разных собеседников. Эту исключительную коммуникабельность Алеша тоже задумал использовать в коммерческих целях.

Снимая очередную клиентку, он никогда не говорил: «Улыбнитесь!». Вместо этого он рассказывал свежую шутку, найденную заблаговременно в газете. Иногда напрямую задавал интимные вопросы. Рассказывал печальную историю, которую вычитал в журнале, не переставая снимать во время разговора. Отчего фотограф так много болтал и расспрашивал о самых небывалых вещах, клиентка, как правило, понимала, лишь получив на руки уникальные фотографии, запечатлевшие разные, но всегда настоящие эмоции. Даже до боли неартистичные визитерши выходили на портретах живыми и чувственными. Теперь роль собеседника поможет выполнять мама. Она станет читать стихи, обсуждать музыку и интересные события, пока он, Леша, будет творить.

Головокружительные планы, к осуществлению которых теперь можно было приступать, пьянили Лешкино сознание. Он уже представлял, как, заработав целую кучу денег, откроет в родном городе студию для таких же ребят, как он. Все свое детство и еще не закончившуюся юность, наблюдая, как мама пытается залепить сквозные дыры семейного бюджета скудными подаяниями социальных служб, он не сомневался, что рано или поздно сможет изменить ситуацию. Дорогу осилит идущий, если ему даны ноги. Даже самые паршивые. Если же и таких не имеется, ну и что ж! В таком случае, дорогу осилит творящий!

Синеватый сумеречный воздух пронизали лучи желтых электрических глаз, отчего вечер приобрел оттенок гелиодора. Перед тем, как развернуть коляску по направлению к дому, Леша по своему обыкновению выпрямился, устремил взгляд в полумрак и представил, будто он – вовсе не Лешка Занкевич, семнадцати лет отроду, а высокий статный казак Алексей. Стоит он на берегу, уверенно упираясь чоботами в родную землю, легкий ветерок щекочет могучее тело, проникая сквозь тонкую белоснежную свитку. Сильные жилистые его руки, утомленные

кулачными боями, легко сжимают кожаную рукоять сабли, висящей на поясе. Казак с любовью оглядывает реку – живородящую артерию его земли, холмистые зеленые берега, бескрайний горизонт. Потом улыбается и всматривается в сумерки, в толще которых на противоположном берегу сидит Лешка в своем кресле.

– Алло! Рома! Ты меня слышишь? Рома, блин! – звонкий женский голос заставил чайку Лешиного воображения пристать к берегу реальности. Невысокая темноволосая девушка стояла неподалеку и нервно нажимала клавиши миниатюрной телефонной трубки. Густые слегка вьющиеся волосы падали на белоснежное лицо, слегка тронутое румянцем раздражения. Большие, пожалуй, даже чересчур большие, темно-карие глаза излучали обиду.

– Рома, почему ты бросаешь трубку? – слезливо заговорила она, снова набрав номер. – Давай поговорим! Почему «нет»?

Собеседник, видимо, снова отключился. Девушка сунула трубку в карман и резко уселась на парапет, демонстрируя прохожим пару ровных ножек. Ее расстроенное красивое лицо неприятно поразило Алексея. Ему стало очень жаль, что в такой замечательный теплый вечер, увенчавший день его личных побед, кому-то может быть тоскливо и плохо на душе. И о чем вообще может печалиться такое красивое, почти совершенное на вид создание? Алексей перекинул через плечо лямку своей дорожной сумки и толкнул колеса кресла.

– Здравствуйте! Меня зовут Алексей. Я – фотограф.

Красотка подняла голову и с недоверием уставилась на Лешу.

– И что?

– Я подумал, что ...

Под внимательным взглядом недружелюбных глаз Алексей вдруг смутился.

– Вы очень красивая и мне бы хотелось сделать ваш портрет. Совершенно бесплатно. Я могу прислать его, куда скажете. Это поднимет ваше настроение. Вот увидите, – закончил он быстро и робко улыбнулся.

Ничего не отвечая, девушка встала и оправила юбку.

– Да пошел ты! Калека, а все туда же!

Красотка фыркнула еще пару оскорблений и зацокала прочь по тротуару. Через несколько секунд ее стройный силуэт растворился во мраке наступающей ночи. Несколько минут Лешка сидел без движения, затем выпрямился, сжал обеими руками кожаный футляр фотоаппарата, висящего на поясе, и широко улыбнулся.

Выбор

Ранним весенним утром, когда город, едва проснувшись, робко переминается с ноги на ногу и потирает руки, чтобы согреться после ледяной зимней ночи, тетя Римма уже на своем рабочем посту. Синий халат туго обтягивает ее тело, а ярко-белая вываренная косынка плотно завязана на аккуратно уложенных, совсем поседевших волосах. Свои обязанности тетя Римма выполняет рьяно и добросовестно, так как понимает, что она – самый главный сотрудник бутика элитной женской одежды. Ведь если она как следует не вычистит и отполирует огромную витрину с надписью «Огромный выбор», все усилия этих «крашенных дур» в «дриськодах», что трудятся внутри магазина, приставая к покупателям, будут абсолютно тщетными. Поэтому Римма пыхтит, поднимает массивное тело на цыпочки и, отскребая от толстого стекла все, что «нагадили» за прошлый день мухи и люди, иногда бросает высокомерные взгляды на манекены, облаченные в бесценные французские наряды и молодых консультанток, одетых в уцененные китайские батники.

К восьми утра Римма Яковлевна удаляется с поста, а в зеркале витрины начинают отражаться бегущие в разные стороны авто, опаздывающие на совещания торгпреды, плетущиеся на полусогнутых пьянчужки с авоськами, полными бутылок. Измученные недопричесанные мамки тянут в детский сад хнычущее потомство, которое поворачивает заспанные мордашки к витрине и задумчиво ковыряет в носу.

Время от времени перед зеркальным стеклом останавливаются модницы всевозможных цветов и фасонов, окидывают беглым взглядом экспонаты «тряпчного» искусства, поправляют прическу любовно-

критическим жестом и удаляются восвояси, напоследок взглянув на себя с гордостью и удовлетворением.

Примерно пару раз в неделю к витрине подходит постоянный посетитель – Люта. Восьмилетняя замарашка из местного интерната является постоянным клиентом именно витрины, а не самого бутика. Случается это обычно по вторникам и четвергам, так как в интернате уже давно не могут найти учителя рисования, и в расписании образовывается очень удобная дырка, пролизнув через которую можно удрать в город по своим делам, коих у интернатских, как известно, всегда хватает.

Тем четвергом Люта в очередной раз убежала в город поглазеть на свою любимую витрину. В бутике как раз был новый завоз. В светлом, освещенном хрустальными люстрами зале происходило волшебство переодевания манекенов и перевешивания пестрых одеяний с вешалки на вешалку.

Люта стояла у краешка прозрачного стекла и горящими серыми глазами поедала происходящее внутри. Все в ее облике – рыжие жесткие волосы, заплетенные в косички, яркие бронзовые веснушки, даже синие хлопковые колготки с пузырями на коленях – выражало неподдельный интерес к реформам в «храме» бутиковой моды.

То и дело над дверью салона звенел колокольчик и в зал входили ухоженные клиентки, по виду не страдавшие от недостатка содержимого в гардеробе и до посещения магазина. Дамы старательно выбирали образчики мастерства французских модельеров и удалялись в занавешенные раздевалки.

Вот колокольчик прозвенел в очередной раз, и пластиковая дверь выпустила на тротуар высокую женщину в белом кожаном плаще и белых же полусапожках.

«Как фея», — подумала Люта. Подойдя к бордюру, фея опустила на землю объемные картонные пакеты с покупками и достала из кармана ключи от красной кареты немецкой сборки, припаркованной неподалеку. Затем плавным мягким движением женщина поправила вьющиеся каштановые волосы и вдруг заметила маленькую замарашку, с изумлением и обожанием глазеющую на нее.

— Как тебя зовут? — спросила женщина. Голос у нее был грудной и низкий.

— Люта...Люда, — поспешно ответила девочка, громко сглотнув.

— Ты откуда?

— Из интерната.

— Из интерната? — переспросила фея. — А почему ты здесь?

— Смотрю.

— На что?

— На одежду.

Женщина окинула взглядом тощую фигурку в сине-зеленых обносках.

— Ты голодна? — снова спросила она после затянувшейся паузы.

— Да! — быстро ответила Люта. и вдруг покраснела. Так отвечали все интернатские в надежде раскрутить какого-нибудь зеваку на подачку. Есть Люта не хотела, плотно позавтракав овсянкой с хлебом.

Женщина достала из самого большого пакета лакированную сумочку и через секунду в ее гладкой белой руке появилась купюра.

— Вот, возьми. Купи что-нибудь поесть.

— Спасибо.

Женщина как-то неуклюже кивнула и, оглядев Люту еще раз, направилась к машине.

— Так Люта или Люда? — вдруг крикнула она, уже стоя возле двери «Фольксвагена».

— Я Люда, Люда, — неожиданно громко прокричала девочка, размахивая рукой с купюрой, — просто меня все Лютой зовут.

Фея снова кивнула, села за руль своего красного экипажа и унеслась прочь. Люта с восхищением посмотрела ей в след, затем на весьма значительную милостыню, и вдруг обмерла. Около тротуара, на том самом месте, где только что стояли фирменные пакеты, лежал маленький раскладной телефон. Воровато осмотревшись, замарашка быстро подбежала к нему, схватила находку и юркнула в ближайший переулочек.

Там девочка остановилась перевести дух. Грудную клетку распирало от недостатка воздуха и впечатлений. Обрывки мыслей прыгали в маленькой рыжей голове, как белки по веткам.

Неожиданно для себя самой Лютка выхватила дорогую трубку из кармана и сделала то, что неоднократно видела, когда ее товарищи по интернату приносили украденные телефоны. Найдя на задней части корпуса кнопку, она быстро сняла крышку и вытряхнула на ладонь батарею. Затем сгребла все детали телефона и просунула их под подкладку зеленого дутика через дырку, давно образовавшуюся в правом кармане.

Теперь вероятность того, что телефон отберут дома, то есть в интернате, была мала. Только вот что с ним делать дальше, Люта не знала совершенно. Нет, она, конечно, была в курсе, что ребята, которые воровали трубки, потом продавали их за хорошие деньги. Даже знала, где именно. Но сама Люта никогда не воровала и уж тем более — никому ничего не продавала.

Время уже шло к обеду, и Люткин желудок, давно переварив соленую овсянку, начинал заунывно бурчать. Нащупав в кармане пожалованную купюру, о которой Лютка забыла, поглещенная переживаниями о дальнейшей судьбе телефона, девочка вдруг очень обрадовалась.

«Куплю беляш с мясом, слойку со сгущенкой, шоколадку и кока-колу». От сказочной гастрономической перспективы на душе стало радостно и светло. Быстрыми пружинистыми шагами замарашка направилась к ближайшему большому магазину.

Только запихнув в рот последний кусок молочного шоколада и запив газированным напитком, Люта опять вспомнила про телефон. Как же с ним быть? Некоторые ребята, те, что помладше, частенько отдавали краденое одному товарищу из старшего класса, за что тот потом приносил им деньги. Этого хватало кому на сигареты, кому на съестное. Наверное, Люте тоже следовало поступить так же. За такую находку Антон из старшего класса принесет много денег. Кока-колу можно будет пить целую неделю, если, конечно, деньги не отберут. Вот только при мысли об этом становилось как-то неприятно. Стыдно, что ли? Люта не могла разобрать. Чего стыдиться? Телефон она не украла, а нашла. Но ведь не было сомнения в том, что он принадлежал той самой «белой» женщине. А она очень красивая, и добрая. Люте представилось, как фея достает сумочку и, не обнаружив телефона, расстраивается и плачет.

Вот если бы она, Люта, проснулась утром и не обнаружила на тумбочке свою единственную маленькую Барби. Сокровище досталось ей, когда в прошлом году в интернат приезжали американцы поулыбаться и пофотографироваться с воспитанниками. Как бы тогда плакала Лютка, лишись она своей обожаемой пластмассовой подружки?

А белая фея расстроилась, наверное, еще больше, так как Люта подозревала, что в системе материальных ценностей телефон явно давал фору ее обожаемой кукле.

С этими мыслями замарашка поплелась на задний двор магазина. Спрятавшись в кустах так, чтобы ее не было видно со стороны дороги, Лютка выудила в клочьях синтепона детали телефона. Пришлось немного повозиться для того, чтобы снова собрать вещь по частям, однако в итоге все вышло. Нажав дрожащим пальцем на кнопку

включения, Люта стала ждать. Телефон издал приятный приглушенный звук и включился.

Еще минут десять Люта сидела, уставившись на цветной экран растерянными глазами. Ей было страшно, и жалко, и интересно, и опять страшно.

Вдруг дисплей телефона засветился ярче, весь корпус завибрировал, и стала играть приятная спокойная музыка. На красном фоне появилась фотография красивого мужчины и надпись «Андрюша».

Руки Люты так дрожали, что она едва смогла нажать кнопку, под которой виднелась пометка «Ответ» и приставила трубку к уху.

— Алло, — низкий женский голос звучал спокойно. Люта сразу узнала его.

— Алло, здравствуйте. Кто это?

Люта набралась смелости и выдохнула в трубку:

— Здравствуйте. Это я, Люта... Люда. Я нашла Ваш телефон около магазина, когда Вы уехали.

— Понятно, — изменившимся голосом ответила женщина. — И я могу его забрать обратно? — после некоторой паузы спросила она.

— Да, конечно.

— А где ты сейчас?

— Около магазина.

— Какого?

— «Вишенка».

— Ты можешь подождать десять минут? Я подъеду. Хорошо?

— Хорошо, — почти крикнула Люта и захлопнула телефон.

Еще некоторое время девочка сидела в кустах, дрожа и боясь выбраться наружу. Вдруг кто-нибудь отберет телефон и она не сможет отдать его, как пообещала.

Сделав над собой усилие, Люта все же вышла на дорогу и побрела к витрине гастронома «Вишенка». Напротив входа уже стояло то самое

красное авто. Утренняя Лютина знакомая была рядом. Теперь на ней были темно-синие джинсы и спортивная голубая куртка. Женщина спокойно осматривалась вокруг, скрестив руки на груди. Увидев девочку, она улыбнулась и присела на корточки.

— Вот,— сказала замарашка и протянула мокрый от вспотевших ладошек телефон.

— Спасибо тебе.

Девочка молча кивнула, медленно развернулась и пошла в направлении интерната. Обеденное время уже прошло и солнце тянулось к горизонту, обещая еще одну холодную ночь.

Со дня волнительного Лютиногo приключения прошло уже две недели. Впечатления сгладились. Девочка перестала вспоминать белую фею и ее чудесный раскладной телефон. Только иногда, когда играла со своей куклой, она думала, как пошли бы маленькой пластмассовой принцессе такие же белые полусапожки и плащ, и лаковая сумочка.

После обеда Люту в коридоре подозвала к себе Анна Ивановна – директор.

— Людочка, — сказала она, усадив девочку на скамейку возле себя. — У меня к тебе серьезный разговор. – Неделю назад ко мне пришли люди. Они хотят усыновить тебя.

Лютка смотрела на директора расширившимися глазами. Она уже давно перестала верить в то, что кто-то захочет принять ее в свою семью. Так уж повелось, что брали всегда хорошеньких девочек, а на нее, Лютку, с ее рыжими волосами и безобразными веснушками, неаккуратным носом с горбинкой и тонкими губами, никогда не обращал внимания ни один усыновитель.

— Сегодня вечером они приедут с тобой знакомиться.

Время до вечера тянулось мучительно долго. Будто Лютку заставили вышивать крестиком целых сто платков на сувениры американцам. А вышивать она просто терпеть не могла.

Когда солнце уже почти упало за горизонт, Лютка подошла к окну и вдруг увидела знакомую красную машину. Соскочив с подоконника, девочка со всех ног помчалась по коридору и около кабинета директора налетела на белую фею.

— Здравствуйте, — громко выдохнула она и в первый раз улыбнулась.

— Здравствуй, — ответила женщина и присела на корточки. — Тебе уже сказали, что...

— Да, — выпалила Лютка. — А как вы нашли меня?

— Ну, это было не трудно. — Люта-Люда, — ответила женщина и сжала мокрую от волнения детскую ладошку.

Серебряная луна

Алина пила коктейль томно и живописно, словно находилась она не в самом обыкновенном баре среднего класса, а в студии подающего большие надежды художника. Так позирует натурщица молодому гению, который внимает каждому ее движению для того, чтобы запечатлеть красоту на холсте и, не исключено, создать шедевр, способный затмить саму Джоконду. Отставив в сторону аккуратный мизинец, увенчанный длинным узорчатым ногтем, она потягивала прозрачный золотистый напиток.

Несмотря на то, что Алина изо всех сил старалась держаться непринужденно и раскованно, Алекс чувствовал ее напряжение. Густо накрашенные ресницы нервно подрагивали во время разговора, губы то и дело сжимались, образуя тугой бантик. Грудь Алина имела довольно пышную, но каждый раз, когда взгляд Алексея опускался ниже уровня ее подбородка, выпрямляла спину и подавала грудную клетку вперед, чтобы бюст казался больше.

Такое поведение девушки означало одно: Алексей успешно прошел два уровня проверки на пригодность к отношениям. Первый, заочный этап, завершился еще в переписке на сайте знакомств, когда Алина узнала о том, что Алексей имеет приличный доход, собственное жилье и вполне сносное авто. Со вторым этапом, на котором осуществлялся «визуальный контроль», Алексей никогда не испытывал трудностей – он был хорош собой и, несмотря на недавно появившуюся легкую седину, мог дать фору любому двадцатилетнему молодцу.

Алина хотела понравиться ему. Хотела отчаянно, и от этого взгляд девушки выдавал оголодавшую после сезона засухи львицу, завидевшую добычу и готовую к смертоносному прыжку. Но чутье хищника обманывало ее: она прошла уже два этапа, которые вели к тому, что,

вызвав такси и взяв для приличия номер телефона, Алексей больше ни разу не позвонит ей. Первый, заочный, когда после двух дней переписки девушка напрямую спросила об уровне его доходов. Второй, визуальный, когда в первые мгновения их встречи незаметно для себя самой окинула его оценивающим взглядом, словно он был ярморочным экспонатом, а она раздумывала, сколько нужно потратить времени и обаяния, чтобы купить его.

– А как ты проводишь отпуск? – спросила она, откинув назад густую прядь темных волос так, чтобы Алексей увидел тонкую обнаженную ключицу.

– По-разному. Чаще всего в Карпатах.

– Любишь лыжи?

Она подняла брови, будто в катании на лыжах было что-то особенное, загадочное, как в создании музыки или стихов.

– Люблю.

– Я очень хорошо катаюсь, – гордо заявила Алина.

Несколько лет назад за такой репликой собеседницы непременно последовала бы фраза, содержащая слова «следующей зимой», «вместе», «обязательно» и прочие обнадеживающие «нечестности», но теперь ему не хотелось говорить о том, чему не суждено сбыться никогда.

– Извини, я на секунду, – кокетливо сообщила Алина и направилась в уборную, демонстрируя круглые ягодицы, плотно обтянутые юбкой из синего вельвета.

Алексей проводил ее взглядом и закурил. Вкус сигареты смешался с ощущением грусти, и от этого на душе стало так же кисло, как и во рту. Про свою работу в энергетической компании Алина уже рассказала, на очереди были телевизионные шоу. Затем, прикончив первый коктейль и немного захмелев, она непременно пожалуется на своего бывшего, которого обязательно назовет «козлом» (непонятно, почему львицы сначала водятся с козлами, а потом негодуют на то, что козлы –

«настоящие козлы»?). Алексей корректно прервет исповедь девушки и станет делать дерзкие комплименты. Может быть, он даже даст пару обещаний. Если сам достаточно захмелеет. Потом будут размытые поцелуи в такси, душ, секс, еще секс, душ и снова такси. Будто в зеркале. Кривом зеркале, в которое ему уже давно не хотелось смотреть.

Изящный силуэт Алины вырисовался на фоне двери в уборную. Сейчас она подойдет и спросит: «Скучал?», а потом сядет, поставив ногу так, чтобы слегка касаться его голени под столом.

– Скучал? – спросила Алина, садясь за стол.

– Скучал, – машинально отразил Алексей. – Ты знаешь, мне только что позвонили с работы. К сожалению, появились срочные дела, – соврал он, удивившись сам себе. Упускать возможность близкого общения с красивой ухоженной девушкой, открыто проявлявшей благосклонность к нему, было совсем не в правилах Алексея.

На лице Алины изобразилось недоумение и разочарование. Если бы ситуация допускала откровенность, девушка, наверняка, сказала бы что-то наподобие: «Зачем же я тратила на тебя свое обаяние, болван? Кто мне теперь это компенсирует?». Или что-нибудь поглубже, содержащее нецензурную лексику.

– И никак нельзя отказаться? – бархат ее голоса немного потерялся, и из-под него проступила грубоватая основа.

– Никак.

Когда к дверям бара подкатил стальной «Мерседес» с шашечками на лбу, он спросил:

– Я тебя провожу?

– Спасибо, не стоит.

Тогда Алексей с облегчением закрыл дверь за львицей и расплатился с таксистом за ее безопасную доставку в родную саванну. Еще несколько минут он стоял на тротуаре, раздумывая, как провести остаток вечера.

– Ехать надо?

Низкорослый дядька с густыми и жесткими, словно одежная щетка, усами, кивал на ископаемого вида драндулет, стоящий неподалеку.

– Пожалуй, надо, – согласился Алексей. Внутри у него было пусто, как в бутылке «мартини», которую он осушил, пытаясь таким образом привнести небольшую долю увлекательности в диалог с Алиной.

– Куда едем? – спросил дядька, когда Алексей уселся на бугристое заднее сидение «Жигуленка».

– Домой.

– А дом, это где?

– На Киевской.

– Есть, командир! – пробасил дядька, машина чихнула и поползла по дороге.

Бессильно откинувшись на низкую спинку, Алексей вдруг почувствовал тонкий приятный запах, казавшийся совершенно неуместным в пропитанном бензином Боливаре. Он осмотрелся. На сидении, под самым его боком лежал шелковый женский шарф цвета морской волны. Взяв его в руки, Алексей поднес мягкую ткань к лицу. От шарфа исходил тонкий, нежный, немного тягучий аромат.

– Только что девчонку подвозил, забыла, – пояснил усатый, глядя на Алексея в зеркало. – У тебя жена есть?

– Нет.

– Жалко, взял бы для нее. А так выкинуть придется.

Шарф был приятным на ощупь, и его не хотелось выпускать из рук. Гладкая ткань сочилась между пальцами, словно теплая вода. Алексею вдруг представилась девушка, которой могла принадлежать такая вещь. Волосы у нее, должно быть, пепельные и излучают такой же чудесный аромат. Кожа белая, тонкая. Именно так, загорелой темноволосой женщине вряд ли пойдет такой цвет. Овал лица плавный, рот нежно-розовый. Смотрит она немного исподлобья, отчего живой взгляд

кажется задорным. Какого цвета ее глаза? Голубые? Или, может быть, зеленые, почти как шарф? Не важно. Главное, что живые.

Скорее всего, она любит танцевать. Алексей представил морской берег. Воображаемая девушка кружится на песке и припевает что-то себе под нос. Танцуй она так в клубе или на вечеринке, никто бы и внимания не обратил. По сравнению с высокими яркими девушками, владеющими стрип-пластикой и прочими премудростями соблазнения, она казалась бы серой мышью всем присутствующим мужчинам. Всем, кроме Алексея. Для него эта маленькая женщина вовсе не серая. Она – серебряная, словно тихая Луна, которая освещает путь, но не наполняет жизнь удушливым зноем, от которого хочется скрыться. Алексей представил, как в легком танце шелковый шарф скользит вниз по ее телу, а он поправляет его, каждый раз касаясь пальцами кожи на ее руках, ключицах, шее.

– Какой номер? – прогремел дядька, лихо вывернув на Киевскую, словно водил он не хронически больной драндулет, а «Феррари».

Алексей нахмурился и не ответил.

– Командир, ты забыл, где живешь?

– Послушай, а ты эту девушку домой подвозил?

– Какую девушку?

– Ну, ту, что оставила шарф.

– А, эту! Ну да, домой, кажется. А что?

– Вези меня туда же. Нужно вернуть шарф.

– Да на черта? – от удивления усатый даже сбавил скорость.

– Езжай, езжай, – настаивал Алексей.

Через десять минут машина подкатила к старой высотке.

– Приехали. Она зашла вон в тот подъезд, – указал дядька черноватым пальцем в заусенцах.

– Как думаешь, на каком этаже она живет?

– Вот чудак! Откуда ж я знаю? И на кой оно мне?

– Ладно, давай, я тут остаюсь.

Таксист взял причитающиеся ему деньги, поглядел на своего пассажира так, будто тот был инопланетянином, и драндулет, кашлянув, покатил прочь со двора.

Зачем Алексей приехал сюда, он и сам не знал. Может быть, девушка, обронившая шарф, совершенно не такая, какой он ее представил. Или же похожая на возникший в голове простой и прекрасный образ, но замужняя. В любом случае, отступить не хотелось. Что, если это единственный шанс разбить кривое зеркало?

– Добрый вечер, уважаемые! – обратился он к бабушкам, встречающим сумерки на лавочке.

– Добрый вечер, – настороженно поздоровались хранительницы дворового покоя.

– Вы случайно не знаете, где живет девушка, которой принадлежит эта вещь?

Он протянул шарф трем «мисс Марпл», чтобы они получше рассмотрели улику.

– А зачем это вам?

– Чтобы вернуть, разумеется.

– А где вы его нашли?

– В такси.

Бабушки молчали и многозначительно переглядывались.

– Вещь хорошая, жалко выкидывать, – стал оправдываться Алексей.

– Это шарф Катьки со второго. Первая квартира справа, – выдала одна из старушек.

– А ты почему знаешь? – спросила ее другая.

– Почему, почему, видала! Она сегодня днем в нем куда-то намылилась. Надухарилась так, что дышать нечем было.

– Спасибо, бабули!

Алексей поднялся по лестнице на второй этаж и коротко нажал на кнопку звонка. Дверь отворили сразу. На пороге стояла молодая женщина. Светлые волосы были собраны в крепкий пучок на затылке. Она была немного выше, чем представлялась Алексею, и смотрела слегка исподлобья, отчего живые глаза казались задорными.

– Здравствуйте. Кажется, это принадлежит вам, – Алексей протянул шарф и широко улыбнулся.

Девушка просияла.

– Ой, да! Это точно мое! Где он вас нашел?

Она наклонила голову и смешно нахмурила брови.

– Он поймал меня прямо в такси.

– И как же ему удалось заставить вас приехать сюда?

– Ему не нужно было этого делать. Я по собственному желанию.

Девушка рассмеялась. Открыто и звонко. Так, что заразила смехом Алексея.

– Раз по собственному, то вам обязательно положен чай. Или кофе. С сахаром.

Она отступила в сторону, жестом приглашая его войти.

Сидя в маленькой уютной кухне, он наблюдал, как случайная его знакомая готовит чай. Движения ее были непринужденными и свободными, будто он каждый день вот так сидел на ее кухне и наблюдал, как она стряпает.

– А что же, тем, кого шарф приводит против воли, чай не положен?
– игриво спросил Алексей.

– Только без сахара.

Лимонная маленькая люстра бросала на них нежный свет, а за окном уже поднялась тихая серебряная Луна.

Мужская дружба

Слегка привалившись на жесткий панцирный бочок, Рыжик лежал в норке, вольготно потягиваясь всеми шестью лапками. Уже довольно немолодой таракан абсолютно оправданно считал себя существом особенным и, пожалуй, единственным в своем роде. Его далеко не заурядный, прозорливый ум (о чем, в первую очередь, свидетельствовал почтенный возраст Рыжика) обретался в великолепном теле, подобным которому вряд ли мог похвастаться еще хоть один прусак в радиусе многих километров. Рыжик походил на переспелую, лопнувшую с одной стороны маслину, окрашенную в бесподобно насыщенный оттенок цвета детской неожиданности. По краям маслина была утыкана изумительными стройными ногами и усами. И те, и другие были невероятно длинны и придавали жирной маслине изящество и аристократизм.

Собственной судьбою Рыжик был удовлетворен не менее, чем своей блестящей, коричневой внешностью. Два года назад, еще молодой и наивный таракан, спасаясь из дихлофосного чистилища, совершенно случайно попал в квартиру закоренелого холостяка Ярика. Пристанище было бы пределом мечтаний даже для крупных грызунов, и только тот факт, что находилось оно на пятом этаже, лишал последних возможности обосноваться в этом замечательном месте. Ярик жил один уже очень давно, и его одиночество обратило однокомнатную квартиру в истинный тараканий рай. Когда Рыжик думал о смерти, то самым пугающим в этих размышлениях была перспектива покинуть просторы тараканьего заповедника.

Обосновался Рыжик в одной из широких щелей, тут и там рассекавших подгнивший плинтус. Дырка имела форму стрельчатого окна и была так глубока, что вместила бы не менее трех массивных

тараканьих телец. В ней было спокойно и уютно. Большую часть своего времени Рыжик проводил именно здесь, пребывая в полусонном состоянии и выползая только в двух случаях: когда твердый животик урчал, возвещая, что пора бы и подкрепиться, либо если просто становилось скучно и требовалось размять членистые конечности.

Несмотря на природную лень, таракан обожал свои вылазки. Полусантиметровый слой пыли, устилавшей все горизонтальные и большинство вертикальных поверхностей, нежно щекотал животик. Лапки мягко утопали в серой массе, будто в дорогом персидском ковре. Поиск еды не составлял никаких трудностей. Яблочные огрызки и банановые шкурки под диваном, не до конца обглоданные кости под кухонной мебелью, конфетные обертки с остатками подтаявшего шоколада, не говоря уже о хлебных крошках, которые повсеместно роняли наскоро сделанные бутерброды Ярика.

Кроме того, отовсюду изумительно пахло. Оттенки запахов различались между собой и приводили Рыжика в неописуемый восторг. Целую вечность готов был провести таракан среди неделями не стиранных носков Ярика и собранных вокруг мусорного ведра пузатых, ароматных пакетов.

Но самым жизнеутверждающим обстоятельством сожителства Рыжика с Яриком было то, о чем не мог бы мечтать ни один из ныне живущих «стасиков»: абсолютная и не подлежащая сомнению безопасность. Это Рыжик понял еще полтора года назад, в одну из своих вечерних вылазок.

На кухне тускло мерцала лампочка Ильича, замурованная в люстру Ильичевских же времен, более походившую на глиняный горшок и, в принципе, равная ему по светопроницаемости. Ярик сидел за столом с остановившимся взглядом, причем остановился его взгляд на почти допитой поллитровке. На нем была засаленная, когда-то белая майка и протертые на коленях спортивные штаны с красными лампасами.

Недельная небритость на яриковом лице очень гармонировала с окружающей обстановкой.

Плавно и осторожно Рыжик высунул из щелки половину маслины. Обычно он так не рисковал и до наступления темноты не высовывал носа из своей норки. Но сегодня, оправившись от двухсуточного полусна, он был не по-тараканьи голоден и чувствовал, что еще чуть-чуть и в стрельчатом убежище будет лежать хрустящий трупик бесславно сгинувшего тараканчика. А если уж умирать, то точно не от голода. Более глупой смерти (при таком-то изобилии отбросов!) и представить себе нельзя.

Медленно поводя чувствительными усиками, Рыжик стал продвигаться к кухонной мебели. И вдруг обомлел. Уже достаточно опытный таракан, он ороговевшей спиной почувствовал на себе взгляд и замер.

«Нет, лучше бы от голода, чем в лепешку. В ЛЕПЕШКУ! Ой, мама!», – крутилось в голове застывшего бедолаги. Он прекрасно знал, что должно было произойти далее и, зажмурившись, не двигался с места.

Но ничего не происходило. Ярик по-прежнему не шевелясь сидел за столом, а его тусклый взгляд уныло упирался в насекомое аномально больших размеров.

– Эка тварь, – вдруг хрипло, как из ржавой водопроводной трубы, вырвалось из ярикового горла. – Такой здоровый!

Неожиданно тусклые глаза заблестели, и Ярик заговорил скорбным голосом:

– Хорошо тебе, тварюка жирная. Живешь, ни о чем не думаешь.

«Ни фиги себе, ни о чем, – подумал таракан. – Сидишь здесь, жрешь, пьешь. Взбрдет тебе в голову – и хлопнешь меня подошвой».

– Ты не бойся, – будто отвечая на мысли Рыжика, всхлипнул Ярик, – я тебя убивать не буду. Что мне с того? Я ведь, по сути, человек хороший...

Тут Ярик пустился в долгое, нудное повествование о своей непутевой жизни. Таракан не двигался с места. Чувство страха постепенно отступило и на смену ему пришло искреннее сочувствие этому огромному, нескладному существу, так не по-тараканьи халатно относившемуся к собственной жизни. Ярик причитал, плакал, жаловался, ругался матом, а таракан внимательно слушал и сочувственно шевелил усиками, напрочь позабыв о всякой опасности. Вернулся в свою норку он уже глубокой ночью, когда Ярик мирно заснул, распластав небритую щеку по пустой тарелке.

С тех пор Рыжик понял – бояться нечего. Сентиментальное их общение периодически повторялось, и таракан уже не стеснялся, слушая мученические излияния Ярика, трескать скатанные и заблаговременно приготовленные его новым другом комочки хлеба. Таракан проникся искренней любовью и благодарностью к пьянице и не представлял своего существования где-нибудь в другом месте – даже на самой ароматной городской свалке.

И теперь, мирно лежа на боку в своей норке, он в очередной раз размышлял о том, как все-таки прекрасна жизнь.

Сквозь тягучую дремоту до него глухо стали доноситься странные звуки. По полу чем-то елозили, и это что-то время от времени ударялось о плинтус, сотрясая жилище Рыжика. Вдруг в норку потянуло истошно-мерзким запахом, который заставил таракана проснуться. Такой ужасный запах раз в месяц шел из ванной, когда Ярик решался постирать свою ароматную одежду. Беспокоил тот факт, что подвиг стирки был совершен всего два дня назад, и повторение вонючего действия через столь короткий промежуток времени настораживало. Медленно подняв маслину на ножки, таракан смело выполз из норки. И обмер.

Тараканий рай, чудесное, милое, грязное пристанище было изуродовано. Тонкие лапки Рыжика скользили и подкашивались на

гладко вылизанном, воняющем какими-то цветами полу. Яркий свет из вымытого плафона, более не походившего на глиняный горшок, заливал кухню. Ни крошки съестного не валялось на ранее изобильных линолеумных полях. За покрытым новой, белой скатертью столом чинно сидело существо, походившее на Ярика. Оно было вылизано не хуже, чем пол: стриженные волосы, бритый подбородок. Мерзко-белая майка, накрахмаленная и выглаженная, топорщилась на исхудавшем теле. Вместо обычной бутылки перед мужчиной стоял заварной чайник. Похлебывая из новой чашки в цветочек, Ярик сверкал во все стороны туповатой улыбкой.

Но самое ужасное разместилось около мойки. Оно было огромное и устрашающе хрустело юбкой пестрого халата. Существо издавало высокие звуки, которые почти парализовали опешившего таракана.

От горя и недоумения выползший на самую середину кухни Рыжик приподнялся на задние ножки и очумело двигал усиками в разные стороны. Внезапно существо у раковины повернулось и увидело его.

– ААА! ТАРАКАН! — нечеловечески завизжало оно. — Ярик! Ярик!

Ярик уронил чашку на стол, и лицо его зверски исказилось. Резким движением он сорвал с ноги тапок и замахнулся.

«Ах, Ярик, Ярик», – успел подумать таракан, перед тем, как тапок со шлепком опустился на вычищенный линолеум.

Об авторе

Нина Шевчук — писатель, преподаватель английского языка, автор сборников рассказов «По дороге с облаками», «Сувенир», «Оригами». Лауреат международного литературного фестиваля «Шорох», лауреат премии литературного общества «Молодой Петербург», лауреат конкурса «Крымская авантюра», лауреат Пушкинской премии Республики Крым.

Работы печатались в следующих изданиях: журнал «Свой Круг», альманах «Молодой Петербург», журнал «Юность», «Невский альманах», журнал «Босс-Крым», журнал «Путники совершенства», газета «Литературный Крым», сборник «Крымское приключение», а также публиковались на сетевых порталах «Подлинник» и «Что есть истина».